

Карина Волк

Ты только жди (вторая часть)

<https://litres.ru/74214992>

Аннотация

С лютой ненавистью на лице распахнула дверь кабинета.— Ника, что случилось? Встревоженно поинтересовался хозяин жизни, вершитель человеческих судеб. Звонко рассмеялась, а затем мгновенно перестала и, ни слова не произнося схватила графин с водой и целенаправленно бросила в сторону своего лютого обидчика, который по злому обстоятельству судьбы стал моим мужем.— Проклятый ублюдок! Теперь я понимаю причину, по которой тебе так срочно понадобился брак. Скотина, — нервно схватилась за руку и молниеносно сорвала с пальца обручальное кольцо, украшенное драгоценными камнями. — Забирай проклятый символ нашего брака, — брезгливо отбросила несчастное кольцо. В полутёмном кабинете ярко полыхнули опасные, хищные глаза Бодрова.— Подними. Быстро, — с убийственно-ледяным спокойствием прорычал он.

Содержание

Глава 1. Вероника	4
Глава 2. Артём	24
Глава 3. Вероника	51
Глава 4. Артём	69
Глава 5. Вероника	91
Глава 6. Вероника	115
Глава 6.1 Артём	123
Глава 7. Вероника	133
Глава 8. Артём	144
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Глава 1. Вероника

Мама быстро посмотрела на меня и тяжело вздохнув, устало опустила пушистые реснички.

Нежные, мягкие и такие родные черты стали более заострёнными, щёки потеряли прежнюю округлую форму и стали более впалыми, придавая матери лишних пару лет.

Невооружённым взглядом было видно, как она сильно переживает за меня и отчаянно старается помочь, хоть как-то успокоить мою боль.

– Родная, может, не следует продолжать «стучаться в закрытые двери». К сожалению, но нам далеко не всё посильно. Мы должны принять правду. Какой бы тяжёлой и горькой она не была.

– Что? – буквально подлетела с кресла. – Что значит, «не следует стучаться в закрытые двери»? Предлагаешь, смириться с гибелью Ивана, которая фактически не подтверждается. О чём ты говоришь? Как ты можешь так говорить.

Готова была идти до самого конца... Боролась и отчаянно надеялась, что мои родные поддержать меня. Разве так много требовала? Лишь поддержку. Понимание. Доброе слово и капельку сочувствия!

– А ты что предлагаешь? Что ты можешь? Или будешь до самой смерти искать его? Это же глупо. Ты ничего не добьёшься. Лишь загубишь свою жизнь.

Гневно поморщилась и, обхватив своё дрожащее тело руками, яростно отвела взгляд.

Боже, внутри творился самый настоящий адский пожар. Я не просто злилась на мать, в эту секунду была накалена до предела. Если бы на её месте был другой человек, то я бы точно не проявляла столько такта и выплеснула весь свой негатив, приправленный порцией отчаяния и ненавистной боли.

– Ладно. Давай лучше поговорим про Аню. Как у неё дела, – перевела разговор в другое русло, меньше всего желала выяснять отношения с матерью и что-либо доказывать.

Решила завершить неприятный для обоих разговор и вернуться к нему, когда мы обе успокоимся.

– А что Аня? Сегодня мне врач в очередной раз подтвердил, что ей необходима реабилитация. Объявил стоимость курсов. Ничего не изменилось. Хороших новостей у меня для тебя нет. Прости, дорогая.

Пристально посмотрела в глаза матери, которая угрюмо перевела глаза на окно.

Я понимала тревоги матери, полностью разделяла её боль за Анюту, но не могла переступить через себя, перешагнуть через чувства, забыть о том, что в моей жизни был Иван, которого я любила и продолжаю любить. Наверно, я эгоистка. Ради своей гордости и преданности приношу в жертву родную сестру.

– Мама, я поговорю с Бодровым. Надеюсь, что он помо-

жет.

– Поможет, – равнодушно глядя в одну точку, подтвердела мать. – А что попросит взамен? Ты же знаешь, что этот человек хочет тебя. И если честно, – теперь её серьёзный, сосредоточенный взор с явным укором и требовательным подтекстом был направлен на меня, – он поступает очень и очень благородно. Он тебе даже не предлагает стать его любовницей. Ника, Артём тебя замуж зовёт. А ты отвергаешь его. Бежишь за глупой надеждой. Хранишь верность мёртвому человеку, который никогда к тебе не вернётся.

Снисходительно хныкнула.

– Да. Замуж зовёт. И что? Это всё меняет? И не говори так про Ивана, – сдерживая свою гневную скорбь, тактично проговорила. – Мне нужны доказательства его гибели.

– Меняет. Очень многое меняет, – проговорила мама, игнорируя мои фразы про Ивана, она уже всё для себя решила и так же, как и все похоронила его.

Мама неторопливо поднялась с тёплого, уютного кресла.

– Что тебе ещё надо? Он богатый, обеспеченный человек. Да ты у него словно «у Христа за пазухой будешь». Хватит тешить себя ложными надеждами. Не смей упускать свой шанс. И дай шанс Ане. Она твоя сестра, – взмолилась она. – Ивана тебе уже не спасти, но вот Анюту ты спасти можешь.

– Я его не люблю. Не люблю. Как я выйду замуж за человека, к которому совершенно равнодушна.

И вновь чувство гнева начали одолевать меня. Понимала,

что мама в первую очередь переживает за судьбу старшей дочери, но это же не значит, что ради одного ребёнка можно приносить в жертву другого.

Глубоко вздохнула.

Всего вернее во мне вновь говорят эгоистические чувства. Своим решением я могу искупить вину перед сестрой. Исправить ошибку. Надо плыть по течению, осознать, что другого выхода нет. Забыть прошлое и строить будущее... Будущее, без любви. Будущее, в котором, просыпаясь каждое утро и, глядя на своё отражение в зеркале, я буду видеть лицо предательницы. Будущее, где каждую ночь я буду ложиться в постель с нелюбимым человеком, понимая, что продалась, словно безжизненный кусок мяса за грязные деньги. Стать Иудой.

– Милая, ты же знаешь, как я любила Ивана. Он был прекрасный мальчик и погиб, как настоящий герой. Но ты должна его отпустить. Тебе кажется, что ты поступаешь подло. Предаёшь его память, но это совершенно не так.

– Знаю. Мама, я всё знаю и понимаю тебя, – бережно коснулась её руки, – но я не могу избавиться от мысли, что Ваня жив. Как хочешь это называй седьмое чувство. Женская интуиция. Или мне действительно подсказывает сердце. Его невозможно обмануть.

Развела руками, чувствуя, как комок подступает к горлу.

– Каждую ночь, засыпая вижу его во сне. И он говорит мне, чтобы я его ждала. Верила и надеялась. Что же мне де-

лать, мамочка?

Мама грустно покривила уголки пересохших губ.

– Это называется самообман. Он умер, а тебе очень сложно принять смерть любимого человека. Твой сон – это лишь игра разума и ничего более.

– Нет. И сегодня, когда я была у матери Ивана, моя уверенность усилилась.

Мама испуганно замахала длинными ресницами.

– В каком смысле? Что тебе наговорила Нина Васильевна?

– Ничего, – спокойно ответила я, искренне удивляясь столь неожиданной реакции родственницы. – А что случилось? Почему ты так взволновалась?

– Кто я? – Мама прижала ладонь к груди. – Нет. Тебе показалось. Просто ты пойми. В данной ситуации Нина, так же, как и ты, может податься самообману. Я же смотрю более трезво. Ты моя дочь. Я желаю тебе счастья. И Нину я тоже понимаю, она мать Ивана и будет его ждать. Но ты не обязана губить свою жизнь.

Невольно прикоснулась к шее, ощущая комок в горле, инстинктивно ощущая необъяснимую недосказанность со стороны близкого человека.

– Ты не поверишь, но Нина Васильевна попросила меня принять и смириться со смертью Ивана. Она приняла его смерть.

Мама с грустным выражением лица, медленно покачала головой.

– Почему? Все так быстро приняли его смерть? Смирись? Даже его родная мать отказывается бороться. Разве такое возможно?

– Потому что это жизнь, Вероника. Ты должна сохранить добрую память о Иване, но хранить ему вечную верность не обязана. Более того, убеждена, что бы Иван не оценил твою жертву. Он бы хотел, чтобы ты была счастлива.

Сухой ответ матери спровоцировал лёгкий смешок.

– Ты что-то мне недоговариваешь? Только никак не могу понять, что именно.

Мама озадаченно помотала головой.

– Нет. Я всё тебе сказала. Не понимаю, о чём ты вообще говоришь. Ты так скоро параноиком станешь. Усмири свою подозрительность и осознай, что я здраво рассуждаю.

Мама немного выпрямила спину и сделала пару шагов в сторону двери, но я ловко перехватила её руку и, некрепко сжав её запястье, пронзительно заглянула в таинственные глаза, которые она отчаянно пыталась скрыть от меня.

– Говори, мама? Пожалуйста, говори!

Мама недовольно приподняла светлые брови.

– Хорошо.

Она небрежно дёрнула рукой и, высвободила запястье из-под моей ладони.

– Я тебя не понимаю. Ладно, когда был Иван, у нас была надежда, но сейчас его нет, а это значит, что вместе с ним умерла и наша надежда, – мать сорвалась на звонкий, душе-

раздирающий крик. – Ваню не вернуть. Его не спасти. Но Аню спасти можно. Умоляю тебя, спаси свою младшую сестру.

Машинально начала отступать, слова матери давили на меня словно не предподъёмный, тяжкий груз.

– Я не прошу многого. Разве ради счастья сестры нельзя выйти замуж за Бодрова. Он молодой, перспективный, богатый и влиятельный человек, – мама искренне негодовала, решительно произнося свою речь, ярко выражая своё недовольство. – К чему приведёт тебя твоё упрямство? Артём Владимирович идеальный вариант. Он не старый, вонючий старик. Ни деспот. Ни тиран. Любит тебя. Ценит. Уважает. Буквально боготворит. Чего ещё можно желать?

– Хватит, – заревела я, не узнавая свой собственный голос. – Хватит! Хватит! Прекрати. Замолчи. Я больше не могу это слышать. Все твои слова ужасны. Ты требуешь от меня невозможного.

Мама замолчала, но её глаза продолжали яростно прожигать своими разгневанными, испепеляющими лучами злости и обиды.

Сжала руки в кулаки.

– Прости, мама. Я на взводе, – стало стыдно за свой необоснованный крик. – Не контролируя себя. Свои эмоции. Умоляю, прости меня.

Я могла не соглашаться с матерью, смело ей всегда возражала, но вот переходить на грубое хамство было недопусти-

мо с моей стороны. Я ужасно переживала потерю любимого человека, мама же страдала из-за младшей дочери, над которой нависла смертельная угроза.

– Ника, – мама глубоко вздохнула, как бы настраиваясь на более сложный разговор, – я считаю, что ты обязана помочь своей сестре. Вспомни, именно по твоей вине произошла авткатастрофа. Я никогда тебя не упрекала. Ни я, никто либо другой, но все мы знаем, почему так случилось.

В области сердца закололо, слегка приоткрыла рот, чтобы поглотить как можно больше воздуха, в котором отчаянно нуждалась. Слова матери, её справедливые обвинения не просто ранили меня, они меня убивали наповал.

– Значит, ты настаиваешь на моей свадьбе?

– Настаиваю. Хотя, – она непринуждённо развела руками, – может, ты предложишь, что-то другое. Пожалуйста. Слушаю. Предлагай. У тебя есть другие варианты. Кто-то готов заняться благотворительностью и даст нам столь необходимую, огромную сумму денег? – Ехидная ирония звучала в её голосе.

У меня не было никаких иных вариантов, я лишь могла попросить время, чтобы найти хоть какой-то выход. Но как правильно заявил мне Бодров, что как раз времени у меня и нет. Каждая долбанная минута. Каждая неуловимая секунда выступает против меня, отдаляя Аню от возможности выздороветь.

Мама не выдержала моего угнетённого молчания, она су-

дорожно хныкнула и, махнув рукой, произнесла, – видишь, что и требовалось доказать. А вариант есть. Давай оставим Аню без должного лечения. Будем пока деньги собирать. Параллельно Ивана воскрешать. При этом и я, и твой отец, и ты, – она перешла на более оглушительное вещание, – будем пахать как проклятые. Но исход будет один. Денег мы никогда не соберём. Никогда.

Мама трясущимися руками провела по красным щекам.

– Продолжай оставаться верной и любящей девушкой. Не предавай память об Иване. А мы, – она вздохнула, – так и быть, как-нибудь справимся. Главное, что ты Ивана не предала, а то, что ты предаёшь свою семью не так важно. Это твоё право. Забудь про этот разговор. Больше к нему не вернись. Обещаю.

– Зачем ты так? Это жестоко и несправедливо, – прошептала я. – Ты не оставляешь мне выбора.

Отказывалась принимать слова матери, убеждала себя, что она сейчас находится под сильным эмоциональным стрессом... Убеждала, но так и не смогла убедить. Сама понимала, что другого пути у меня нет и быть не может. Я должна перешагнуть черту и ради сестры согласиться на условия Бодрова. Стать его любовницей, женой... Да кем угодно, лишь бы Аня поправилась.

– Артём хочет нам помочь. Он бы мог воспользоваться ситуацией. Но этого не сделал. Этот парень тебе руку и сердце предлагает. Он уважает тебя. А что делаешь ты?

– Мама, мы не знаем его истинных мотивов. Мы, вообще, ничего о нём не знаем. Извини, но доверия мне Бодров не внушает. Есть в нём какая-то необъяснимая загадочность, которая пугает меня.

Мама слегка повеселела

– Милая, он тебя любит. Сейчас тебе тяжело и больно признавать его любовь, но со временем ты поймёшь, что лучшего кандидата в мужа тебе просто не найти.

С сожалением обвела маму взглядом, и устало присев на край кресла, накрыла ладонями голову и, наклонив её к коленям, немного покачиваясь, ответила, – пусть будет, по-твоему. Я выйду за него замуж. Или стану любовницей. Плевать.

Застыла и, приподняв голову, с ехидной, презрительной ухмылкой посмотрела на маму, которая после услышанного блаженно улыбнулась, но так и не решилась ничего ответить.

– Ты что-то скрываешь?

Мгновение и на лице матери вместо блаженства отобразился неподдельный страх.

– Что за глупости?

– Нет, это не глупости, – уверенно проговорила я и, поднявшись с кресла, ни на секунду не выпуская мать из виду, твёрдым, размеренным шагом начала приближаться к взволнованной женщине. – В последний раз тебя спрашиваю, что ты от меня скрываешь?

– А я в последний раз тебе отвечаю, – мама грозно сверкнула глазами. – Ничего. Перестань меня терроризировать. Я

хочу лишь помочь дочери и больше ничего. Не вали с больной головы на здоровую. Прими окончательное, взвешенное решение.

Обречённая улыбка отразилась на моём лице.

– Я не знаю, что мне делать, – удручённо прошептала. – Мне очень сложно и больно. Ты защищаешь свою дочь, но я такая же твоя дочь, как и Аня.

– Это правда. И я желаю тебе счастья. Ты убиваешь себя. Ждёшь человека, который умер. Иван мёртв. Прими это и начинай жить без него.

Холодно посмотрела в яркие, хищные глаза Бодрова Артёма Владимировича.

– Добрый вечер, дорогая, – равнодушно произнёс мужчина и с непринуждённым видом отодвинул от себя ноутбук. – У тебя есть ко мне предложение? Может, хочешь, что-то сказать? Или, – он игриво приподнял брови и обвёл меня томным, провокационным взглядом, – что предложить?

В кабинете повисла гробовая тишина, я слышала, как у меня учащённо начинает биться сердце, ощущала нехватку воздуха... Боль и стыд разрывали несчастное сердце, но делать было нечего, безвыходная ситуация заставляла перейти границы и, переступив через любовь и верность, прийти в руки ненавистного человека.

– Ника, может, ответишь на вопрос. Нехорошо не отве-

чать на вопросы. Это недостойное поведение воспитанной девочки.

Этот гад продолжал нагло и безжалостно издеваться надо мной. Знал! Прекрасно всё знал. И его забавляла моё унижение. Покорение. Ублюдок. Садист.

– Отвечу, – молниеносно отреагировала я и, отодвинув небольшую лётную сумку, которая тут же сорвавшись сплеча, упала на пол, прямым шагом направилась к хозяину жизни. – Хотя, давай так. Лучше сразу не отходя от кассы, продемонстрирую товар. Чего время на свадьбу тратить. Надо на месте попробовать товар.

Сама не знаю, откуда у меня взялось столько бессовестной наглости, но я напрочь отказалась от всех принципов. Мне было безумно больно представлять, как я выгляжу со стороны... Хотя что там представлять! Так и выглядела... Как проститутка, которая ради денег пришла к богатому мужику и удобно расположившись на рабочем столе очередного перспективного клиента, готовится оказать сексуальные услуги.

– Занимательно! Очень...Очень, – Бодров неторопливо оттолкнулся от кожаных подлокотников кресла и встав напротив меня, не отводя своих огненных глаз, которые в отличие от него слишком сильно выражали всю страсть и похоть. Он ничего не обозначал. Не утверждал. Не просил и не требовал, Бодров лишь властно наступал на меня.

Наконец-то не выдержав, я начала отступать и, уперев-

шись филейной частью о край стола, замерла.

– Страшно, – леденящем голосом проговорил мужчина, расставляя свои ладони по краям стола, лишая меня возможности далее действовать самостоятельно. – Я чувствую. Страшно, Ника. Стыдно. Так зачем?

– Ради сестры. Прекратите, Артём Владимирович. Зачем меня мучить? Я здесь. Готова выполнить любой приказ.

Бодров немного покачал головой.

– Любой приказ, – его ладони неторопливо переместились со стола на мою талию.

По телу незамедлительно проскочила дрожь, но я сдерживалась, упорно продолжая строить из себя вульгарную девицу, которая с лёгкостью продаст своё тело подороже и никогда не будет мучиться угрызениями совести. Отключила любые эмоции. По крайней мере, старалась себе внушить, что я безвольная, бездушная кукла. Ничего потерплю пару минут, зато спасу сестру. Ничего, это просто тело.

– Любой приказ. Даже не сомневайся.

Решительно присела на стол.

Бодров плотоядно улыбнулся и слегка обескураженно приподнял брови вверх, он был удивлён, но судя по его довольному, нахальному лицу всё происходящее мужчине очень и очень нравилось.

– Малышка, ты даже не представляешь, как мне хочется сейчас сорвать с тебя все эти тряпки и прямо здесь..., – его горячее дыхание обожгло мне ухо, его шаловливые, твёр-

дые пальцы довольно грубо сжимали внутреннюю часть бёдер, убийственно-невозмутимый мужской голос провоцировал страх и что ещё, какое-то необъяснимое, постыдное возбуждение.

Он замолчал, я же лишь высокомерно покривила губами.

– Я хочу тебя. И в отличие от тебя обманывать не собираюсь. Мне плевать на правила. Я прихожу и беру.

Абстрагироваться. Надо отстраниться от происходящего. Просто недолгих пару минут потерпеть, а затем позабыть обо всём как о страшном сне. Твою мать, как же это можно, оставаться отрешённой, когда тебя буквально наизнанку выворачивает. Я становилась похожа на кувшин, который в считанные секунды переполнит неконтролируемый поток бурных эмоций.

Боже! Я чувствовала зарождение страстного огня внутри живота. Грубость, властность Бодрова пробуждали против моей воли самые низменные, животные инстинкты. Мне бы хотелось его ненавидеть. Презирать. Но не могла. Я злилась и одновременно хотела, желала ощутить себя в его объятиях.

– Но я этого не сделаю, – его мягкие губы едва уловимо коснулись шее, – сейчас не сделаю.

Звонко усмехнулась.

Вот урод! Играет со мной словно сытый, наглый кот с маленьким, беззащитным мышонком.

– Что ты делаешь? Не понимаю. Ты сказал мне принять решение. Я приняла, – пару секунд просто безмолвно смот-

рела в его горящие глаза. Чёрт бы меня побрал, но я видела безумное желание. Он даже не пытался скрыть своей похотливой натуры, его пожирающие глаза сдирали с меня остатки одежды, смотрел Бодров, а стыдно и неудобно становилось мне.

Бодров тяжело сглотнул и сделал пару шагов назад.

– Ника, не стоит испытывать меня.

Высоко вздёрнула подбородок и, негромко усмехнувшись, прыгнула с проклятого стола.

– Ты станешь моей только после того, как согласишься стать женой. У меня огромное количество девочек для развлечения. Я хочу жену. Мне и Стеши нужна семья.

– Ух ты! – иронично подёргала бровями. – Какой вы у нас правильный. Секс только после свадьбы. А зачем? Позвольте спросить, весь этот маскарад. Цирк? Зачем? Какая семья! Она вам, зачем сдалась? Вы волк-одиночка.

Смотрела на него и искренне не понимала... Да, он властный, азартный человек, который привык всего добиваться. Слово «нет» для него недопустимо. Но почему он просто не исполнит свой каприз. Зачем устраивать свадьбу? Неожиданно в моей голове вновь прозвучал его лукавый, соблазнительный голосок, который повторил имя дочери. Точно, Стефания, именно из-за неё он хочет жениться. Я ошиблась, игрушка нужна не отцу, а дочери.

– Ты мне не веришь? – его тёплые пальцы нежно коснулись уголка губ, он пару секунд поласкал мою кожу, а за-

тем резко убрал руку. – Ника, я действительно полюбил тебя. Мне мало только получить твоё тело. Я хочу всю тебя. С кончиков волос на белоснежной головке до маленьких пальчиков на ногах. Всю. Понимаешь?

Он максимально приблизился ко мне и, пронзительно всматриваясь в мои глаза, заставлял отвечать на поставленный вопрос.

Нервно похлопала ярко накрашенными ресничками.

– Артём, – робко хихикнула, устало обводя кончиком языка губы, с который почти была удалена вся помада, – Владимирович. Вы не знаете, что такое любовь. Путаете понятия любви и страсти. Одержимости. Сексуального влечения с любовью.

Мужчина улыбнулся и, изобразив задумчивость на лице, утвердительно покачал головой, явно демонстрируя полную лояльность с моими словами.

– А ты знаешь?

– Знаю.

– И что же это? Расскажи, знаток, истинного чувства.

Бодров говорил сухо, но при этом довольно насыщенно-различным негодованием и явной усмешкой.

– Забудь. Хочешь свадьбу, – непроизвольно приподняла плечи, а затем также машинально их опустила, – пусть будет свадьба. Это же всё не по-настоящему. Так, игра. Но если эта игра поможет моей сестре, то без проблем.

Бодров медленно растянул свои губы в широкой, обворо-

жительной улыбке.

Невольно, но всё же залюбовалась мягкими, приятными чертами мужского лица. Даже стало интересно, смогла бы я заинтересоваться таким человеком, если бы в моей жизни не было Ивана.

Не успела даже мысленно ответить, как внезапно Бодров прокричал, – Ника, хватит врать и притворяться. Ты же хочешь меня. Да не любишь, – и вновь огненное дыхание, коснулось моей незащитной кожи, его руки начали неконтролируемое движение по спине, отчаянно приближаясь к упругим полушариям. – Но, тем не менее, хочешь. Иногда страсть может переродиться в любовь.

– Я люблю Ваню. И только он пробуждает во мне страсть.

Врала? Нет, Ивана я любила, но вот страсть во мне пробуждал не только он. Должна была признаться, быть честной хотя бы сама перед собой, что этот грубиян вызывает во мне определённые чувства и желания. Душа протестует, сердце возражает, а вот греховная плоть возбуждается от каждого жёсткого прикосновения.

– Любишь? – И вновь уже привычная издёвка прозвучала в вопросе Бодрова.

Его сильные руки плотно зафиксировались на моей заднице, в хищных глазах блеснул огонёк дикой охоты, Артём усиливал хватку, словно одичавший зверь, удерживал меня в своих цепких лапах.

Он дьявольский хищник, а я безропотная жертва. Знаю,

что должна его ненавидеть, убеждаю себя и настаиваю, что Бодров полное ничтожество, которое с помощью силы, шантажа склоняет меня к близости. Убеждаю! Но так и не могу убедить...

И вот одним резким толчком он без особых усилий прижал меня к своему возбуждённому, опаляющему, манящему телу.

– Любишь, детка? А может, тебе лишь так, кажется. Подумаешь, разве можно желать другого мужчину и при этом утверждать, что любишь другого?

Мгновение и вместо лицемерного лица Бодрова, который похотливо вглядывался в мои глаза, передо мной появился образ Ивана. Сильный, мужественный, благородный, честный, а главное, настоящий мужчина, который делал различия между силой и насилием. Он, как никто, понимал, что сила – это удел благородного мужика, а вот насилие – это удел поддела и самого настоящего слабака.

– Пусти меня.

– А если не отпущу? Что будет? Не забывай, детка, ты сама ко мне пришла, – Бодров ласково потёрся кончиком носа о мою щеку. – Может, всё-таки воспользоваться твоим предложением и не дожидаться свадьбы. В любом случае исход будет один, ты окажешься в моей постели.

Надменно усмехнулась, даже будучи в зависимом положении, ощущая свою полную беспомощность, я была куда более сильнее, чем он. Ради родного человека совершала пре-

дательство, Бодров же разрушал мою жизнь ради низменной блажи.

– Я полностью в твоей власти. Делай, что пожелаешь нужным. Мне главное, чтобы деньги платил.

И вновь в огромных бездомных, заманчивых очах Бодрова запрыгали дьявольские огоньки, они прожигали мне душу, бесцеремонно заползали в самую глубь ранимого, беззащитного сердца и разжигали там адское пламя. Старалась изображать из себя хладнокровную дрянь, которая абсолютно равнодушна к любому его прикосновению. Но чёрт! Его пламенный взор не позволял сохранять самообладание... Гамма противоречивых, неопишуемых чувств захватили меня.

– Прекрасно! Хочешь поиграть. Я не против, – его ладонь мгновенно оказалась у меня на затылке, – значит, ты у нас продажная девка, с которой я могу делать всё, что мне только заблагорассудится.

Испуганно приоткрыла рот, хотела возразить, но страх сковал меня, только сейчас я поняла, что совершила ошибку. Решила поиграть с Бодровым, а в результате спровоцировала дикого зверя.

– Малышка, ты хоть знаешь, что делают с проститутками? Как их жёстко трахают, не задумываясь об их чувствах и желаниях.

Я даже не успела произнести и слова, как сильные мужские руки развернули меня и, грубо надавив на мою спину

ладонью, Бодров склонил меня к поверхности стола, безжалостно вынуждая прижать к нему грудью и животом.

Боже, я думала, что большему унижению меня было подвергнуть невозможно, но как же жестоко ошибалась. И чего я только ждала от жестокого, бездушного чудовища. Милосердия? Сострадания? Дура! Глупая маленькая девочка, которая волей судьбы оказалась в руках беспощадного человека.

Глава 2. Артём

Очень медленно наклонился к Веронике и довольно крепко, но при этом без особой жестокости, схватил её за длинные волосы и немного потянув на себя, вынудил девушку приподнять голову.

– Ты чудовище. Ненавижу тебя!

– Я знаю, малышка. А ещё похотливый ублюдок, только вот твоя беда заключается в том, что в отличие от тебя я честно признаюсь себе в том, кем являюсь на самом деле, – надменно ухмыльнулся. – А ты у нас порядочная девушка, которая вынуждена стать женой богатого и влиятельного человека. И что греха таить, очень даже симпатичного, против своей воли. Какой ужас! Не будь лицемеркой, да любая на твоём месте до потолка бы прыгала.

Девушка злобно закатила глаза, а затем плотно сжав пухлые, сочные губки, яростно задёргалась, стремясь избавиться от мучительного плена, безнадёжно пытаясь скинуть меня. Она хотела вырваться из ненавистного плена, не понимая, что теперь я её уже никуда не отпущу.

– Будь ты проклят. Мне не нужны твои чёртовы деньги. Мне нужен мир в семье. А ты думай, что тебе заблагорассудится.

Кровь забурлила в венах, адреналин начал бешено вырабатываться, никогда раньше не замечал за собой каких-ли-

бо наклонностей садистского характера. Привык! Для меня стало обыденностью, что бабы добровольно вешаться мне на шею, да брал женщин жёстко, грубо, но всегда по доброй воле, а вот сейчас... Эта маленькая, строптивая, необъезженная кобылка, пробуждала во мне самое тёмное, неподвластное желание. Может действительно послать всё к чертям собачьим и без особых трудностей взять эту малышку и как следует трахнуть. В любом случае она уже никуда не денется.

– Пусти, урод. Ненавижу. Ублюдок.

И вновь Вероника предприняла безуспешную попытку вырваться из моих жёстких тисков.

– Даже не вздумай рыпаться, малышка, – гневно прорычал я, сильнее сжимая её мягкие, ароматные волосы.

Намотав длинные белокурые локоны себе на руку, я потянул их на себя, заставляя девочку сильнее выгибать спину, неотвратимо приближая её нежное, но такое озлобленное личико к себе, оголяя её стройную шею. – Помни, Ника, ты пришла ко мне. Решила поиграть. Отлично! На что ты рассчитывала, явившись к одинокому взрослому мужику в таком бл...м обличии? На что? Знала же, что я ни за что не откажусь от такого подарка! Сама предложила своё тело. А теперь я ни такая, – злобно оскалился, ненавидел, когда женщины играют со мной, – что ждёшь трамвая? На что надеялась, сука. Чего ждала?

– На милосердие. Надеялась и ждала милосердия. Понимания. Жалости.

Смотрел в её детские глаза и ловил себя на мысли, как такое может быть? Она смотрит на меня детскими глазами, при этом взгляд бл...й.

– На милосердие, – звонко рассмеялся и, отпустив её волосы, отошёл на пару небольших шагов назад. – Ника, я похож на человека, который проявит милосердие к красивой, аппетитной девочки. Серьёзно, милосердие. Понимание. Жалость. Да я и слов таких не знаю.

Вот же дура-малолетняя, она же для меня словно свежий, холодный ручеёк в пустыне. Быть рядом с ней и не напиться это для меня смерти подобно.

– Артём, мне очень больно, – прощebetала, словно раненая птичка, Вероника. – Как жить дальше? Что делать? Куда идти? Чтобы не сделала, буду виновата. Мне либо сестре помогать, но при этом предавать Ивана, или продолжать ждать любимого, но тогда Аня может потерять какую-либо надежду на восстановление. Одна операции не позволит ей вновь встать на ноги. Нужен целый курс.

Девушка вздрогнула и в считанные секунды развернулась ко мне, теперь её бездонные, сапфировые глазки были направлены на меня. Она, не отрываясь, смотрела в моё лицо, при этом, казалось, что её взгляд проникает под мою твёрдую, грубую, толстую кожу и точно попадает в самое сердце.

– Ника, ты, что пытаешься сделать? Не стоит играть со мной, девочка.

Вероника приподняла голову и, сделав пару жёстких, уве-

ренных шагов в мою сторону, пронзительно блеснула огромными глазами, которые были наполнены обжигающей болью.

– Обними меня. Просто обними и скажи, что всё будет хорошо. Обмани, пусть я хоть немного побуду в спокойствие. Иначе, с ума сойду. Я просыпаюсь ночью и вздрагиваю. Ищу его, но вместо Ивана лишь одинокая, безжалостная подушка. Я умираю. Задыхаюсь. Если бы не сестра и родители, то дальше смысла жизни у меня бы точно не было.

Теперь вздрогнул я, услышав непростительную реплику Вероники. Эта глупая девчонка, которая только-только перешагнула двадцатилетней рубеж, в действительности задумывается о смерти.

– Подойди ко мне?

– Зачем?

– Я хочу тебя обнять. Просто обнять, как ты и просила. Но, обманывать я тебя не стану. Я сделаю тебя счастливой, приложу все усилия. Но против твоего желания я ничего сделать не смогу. Ты же настойчиво сопротивляешься принимать счастье. Тебе, что нравится страдать?

Вероника робко и безмолвно приблизилась ко мне вплотную, предпочитая не отвечать на вопросы и не дожидаясь никаких действий с моей стороны, сама обхватила меня за шею и крепко прижавшись к груди, негромко всхлипнула.

Твою мать, Ника, какой же властью ты надо мной обладаешь? Одно лишь невинное прикосновение нежных ручек и мозг полностью перестал мне подчиняться, в штанах

становится жарко, неконтролируемо член начинает твердеть и эрегировать, чувствую прилив огненной, возбуждающей крови в паху. И всё это лишь от невинных объятий, что будет, когда малышка перейдёт к более откровенному, эротическому соблазнению.

– Ника, я готов тебе помочь, – испугавшись собственных чувств, отстранился от неё.

Проще быть холодным, жестоким циником, так тебя никто и никогда не заденет. Хрен, кто пробьёт мою железную броню и залезет в душу.

– Мне нужна жена. Мать для моей дочери. Я готов полностью обеспечивать твою семью и соответственно, тебя. И это нормально.

Вероника уныло поводила глазами.

– Нормально, – вновь повторил я. – Мне от тебя нужно лишь одно, чтобы ты оставалась верной супругой. Стала хранительницей семейного очага. Любила мою дочь, – бережно пробежался пальцами по её нахмуренному личику, – и чтобы ты подарила мне ещё детей.

– Что? Детей?!

– Да, – медленно убрал руку от её прекрасного личика, на котором моментально появилась гримаса удивления вперемишку с презрением.

Вероника посмотрела на меня так, будто бы я человек, лишившийся остатков здравого смысла. По всей видимости, в планы Вероники никак не входило становиться матерью.

Или проблема не в этом?! Она не рада тому, что отцом её ребёнка буду я. Эта роль была уготована другому человеку.

– Я не хочу детей. Может, ещё свадьбу я смогу пережить. Но детей буду рожать только от человека, которого люблю.

Гнев ударил под дых, но я сдержался, и смог вновь мастерски изобразить полное равнодушие.

– Ника, ты думаешь, что этот брак лишь моё мимолётное желание. Серьёзно? Надеешься, что мне надоест, и я тебя отпущу?

Она слегка пожала плечами.

– Не знаю. Мне сложно понять твои истинные мотивы. Но одно я знаю точно. Я вынуждена выходить за тебя замуж. Ради своей сестры. Без должного ухода и реа...

Яростно поднял руку, решительно показывая грозным жестом, чтобы она незамедлительно замолчала.

– Мы ходим по кругу. Ника, я бизнесмен. Привык всё максимально конкретизировать.

Девушка презрительно поморщилась и нервно поводила глазами, но как только столкнулась с моим властным, цепким взглядом, тотчас сменила выражения лица на более спокойное и рассудительное.

– Я предлагаю тебе выгодную сделку. Ты становишься моей женой. И, соответственно, в будущем должна будешь родить мне сына. Или дочь. А можно и сына, и дочь. На самом деле я не против, чтобы у нас появилось как можно больше детишек. Это самое настоящее счастье. Самая искренняя и

беззаветная любовь может быть только к своему ребёнку.

– А если у нас не получится. Ну не смогу я забеременеть.

Знаешь, у спортсменов такое бывает.

С досадой покосился на девушку.

– Пусть всё идёт своим чередом. Посмотрим, что будет дальше. Главное, чтобы и ты, и я хотели быть вместе и прокладывали совместный путь к нашему общему счастью.

– Счастьем без любви. Тяжёлым же, Артём Владимирович, у нас с вами окажется путь.

Вероника тяжело вздохнула.

Я предпочёл промолчать и не отвечать на её упаднические реплики.

– Плевать. Пусть будет, по-твоему. Как только я стану твоей женой, ты должен немедленно отправить мою сестру на реабилитацию. И подписать контракт с полной выплатой учреждению денежных средств за оказание услуг. Ясно?

И вот тут я понял, что был неправ и наивно заблуждался относительно мягкой, кроткой Вероники, которая способна лишь временами распускать свой длинный язычок и изредка проявлять жёсткий нрав. Эта девочка, несмотря на всю внешнюю хрупкость и ранимость, самая настоящая бестия. Её почти невозможно сломить, даже когда малышка загнана в угол, она проявляет характер и упорно отстаивает интересы.

– Я заключаю с тобой сделку. Никакой любви. И, – девушка опустила глаза, при этом резко подняла и протянула мне

руку, – вопрос с детьми давай пока оставим открытым.

– Хорошо, – плавно обхватил нежную девичью ладошку,
– вопрос с детьми оставим пока открытым.

Вероника несмело подняла свои огромные, пленительные глазки.

– Ключевое слово: «пока», – дёрнул руку и заставил Веронику вновь упасть в мои объятия. – А теперь давай заключим нашу сделку небольшим, но весьма приятным поцелуем.

– Знаешь, что...

– Знаю, – моментально притянул белокурую головку к себе и жадно накинудся на её сладкие, медовые губки. Не было никакого желания продолжать спор, хотелось лишь наслаждаться опьяняющим моментом, неустанно вкушая каждую частичку бархатной, ароматной кожи.

Я полностью руководил процессом, отдаваясь желанию плоти, но и Вероника более не отказывала мне, она поддавалась напору и всё же отдалась во власть греховного искушения.

С каждой секундой моё желание неимоверно увеличивалось, надо было остановиться и оттолкнуть от себя Веронику, иначе, в противном случае, наш первый раз произойдёт прямо в кабинете на рабочем столе. А я так не хотел, не мог себе позволить вот так просто нагнуть любимую девушку и просто трахнуть. Нашу первую близость она должна запомнить. Я хотел, чтобы она запомнила.

– А теперь иди, – неимоверными усилиями оттолкнул от

себя желанное девичье тело. – Ника, пожалуйста, уходи.

– Сейчас уйду. Но напоследок прошу тебя, давай просто распишемся и не будем устраивать никакого свадебного маскарада.

Судорожно усмехнулся.

– Обычно девушки хотят, чтобы их свадьба была грандиозной, масштабной и самой громкой на всём Белом Свете. Это невеста должна убеждать жениха. У нас всё наоборот.

Лёгкая улыбка коснулась моего лица, но в отличие от меня, Вероника не разделяла моего весёлого настояния.

– Я не собираюсь устраивать шоу. Не хочу, чтобы на меня пялились как на цирковую обезьянку.

– Что? – и тут до меня дошло. Вероника не желает, чтобы о нашей свадьбе стало известно. Для неё самый счастливый радостный момент, был постыдным, унижительным, чем-то мерзким и недопустимым.

Ну нет, девочка. Так не пойдёт. Ты ещё меня не знаешь. Если я и устрою свадьбу, то с таких размахов, что весь город ещё гудеть будет целый год.

– Будет свадьба. И всё организуемым по высшему разряду, – тяжёлым, размашистым шагом начал подступать к разгневанной малышке, которая из последних сил отдаляла неизбежное и всё ещё на что-то надеялась. – Ты наденешь свадебное платье. Кстати, можешь уже подбирать наряд. Но меня больше интересует нижнее бельё, – склонился над её ухом. – Позволь, его я выберу на свой вкус.

В моей голове незамедлительно появилась возбуждающая картинка. Как Вероника мягкими, кошачьими движениями двигалась ко мне под звуки лёгкой музыки. И вот в сторону полетела блузка, открывая моему сладострастному взору упругую грудь, торчащие нежные соски заставляли ещё сильнее возбуждаться, мне казалось ещё секунда и ширинка попросту треснет от сексуального перевозбуждения.

– Я сказала, нет, – звонкий, недовольный голос Вероники заставил вернуться меня к реальности. – Никакого свадебного платья. И прочих глупостей. Банально распишемся в загсе, и всё. Точка.

– Будет свадьба. И не смей со мной спорить. Я тебя не прошу, а требую. Если сама не подберёшь наряд, то я сделаю это за тебя. Нет никаких проблем. Выберу на свой вкус.

Ника нервно хохотнула.

– Как всегда. Принял самостоятельное решение. Хорошо. Чёрт с тобой. Хочешь шоу. Будет тебе шоу. Вовек не забудешь, милый мой будущий муженёк.

Девушка смело приподняла подбородок, – подумай, что ты делаешь. Смотри, потом горько не пожалей о своём поступке. Обиженная женщина способна на многое.

– Мне уже так говорили, – нежно пробежался пальцами по её щеке. – Но я не хочу обижать тебя. Ника, я желаю сделать тебя счастливой. Позволь. Прекрати сопротивляться и бороться со мной. Я же вижу, что не противен тебе. Ты отзывается на мои прикосновения, с наслаждением прижи-

маешься к губам.

– Это правда. А знаешь почему?

– Почему? – мягко поинтересовался я, не ощущая никакого подвоха.

– Потому что на твоём месте я вижу Ивана. Закрываю глаза и представляю его. Тёма, не удивляйся, что, когда ты будешь со мной, в минуту наивысшего блаженства я назову чужое мужское имя.

Что было сил ударил по стене, гнев так быстро овладел моим телом, что я почти не контролировал свои движения, в таком состоянии я был вполне способен прибыть высокомерную, неблагодарную девицу. Но смог вовремя отвести руку. Никогда не поднимал руку на женщину. Да в порыве страсти мог игриво похлопать по щекам или звонко приложиться ладонью к заднице, но всё было по обоюдному согласию. Лишь однажды я отступил от своих принципов и позволил ярости захватить меня. В тот день, когда я узнал об измене Елены не смог сдержаться и ударил её. С такого самого дня я поклялся себе, что больше никогда не подниму руку на женщину, какой бы конченной дрянью она ни оказалась. Так, я я лишь унижал себя, проявлял слабость. И вот опять. Ника вывела меня даже не поступком, а одной лишь фразой.

– Прости. Я не хотел.

Вероника отрешённо посмотрела на мою руку, а потом перевела глаза на стену.

– Мы даже ещё с тобой вместе не начали жить, а ты уже

демонстрируешь свою силу. Иван никогда меня даже пальцем не трогал.

– Прости, – теперь откровенная издёвка прозвучала в моём стальном, непробиваемом голосе, – привыкай. Можешь сколько угодно фантазировать и представлять в своей бестолковой головке хоть Папу Римского. Мне плевать, потому что именно со мной ты будешь проводить ночи. Я буду тебя трахать. По праву. А ты продолжай грезить. Мечтай. Но именно подо мной ты будешь стонать и корчиться от удовольствия.

Ника без особых эмоций на лице ухмыльнулась и суетливо, поправив волосы, произнесла, – ты пожалеешь о своём поступке. Нельзя заставить человека силой полюбить. Ты не сделаешь ни меня, ни себя счастливыми.

– Не попробую, не знаю. А теперь иди, – решительно указал на дверь, – от греха подальше.

– Я пока ещё не твой грех. Просто каприз. Но ты можешь не совершать ошибку.

Злобно оскалился.

– Ника, не выводите меня из себя ещё больше. Делай, что тебя говорят, и прекрати мне перечить и тогда всем будет хорошо. Не стоит провоцировать меня и испытывать терпение. Если сорвусь, – отошёл от девушки и присев за стол, выдохнул, – то мало никому не покажется. Неужели так сложно проявить немного уважения. Хотя бы попытаться подыграть мне.

– В отличие от твоих предыдущих девиц я не являюсь фальшивой. Все мои чувства настоящие. Ради твоего спокойствия и удовольствия не собираюсь меняться.

Самопроизвольная улыбка отразилась на моём лице, я поймал себя на мысли, что сейчас девочка очень ревностно реагирует на мои прошлые любовные похождения. Конечно, руку бы на отсечение за такие утверждения я бы не отдал, но у меня появилась надежда, что не всё так безнадёжно и моя каменная, железная леди постоянно начинает плавиться, проявляет интерес.

– Слушай, а может, ты всё это делаешь специально, – игриво приподнял бровь. – Может тебе нравится провоцировать меня. Так ты возбуждаешься, моё похотливое и развратное создание?

А что вполне возможно? Что она видела рядом со своим солдафоном. Наверняка секс был только под одеялом с выключенным светом. Чёрт, теперь чувство ревности кольнула меня где-то в области сердца. Стало немного обидно, что ни я буду её первым мужчиной. Ну ничего. Не главное кто первый, главное кто станет последним. Именно со мной она освоит все навыки и раскрепостится, а этот Иван сгинет. Она забудет о нём.

– Ника, тебе нравится, когда я действую грубо и жёстко. Нравиться, малышка. Нравиться...

Вероника мгновенно раскраснелась, теперь я был уверен, что попал в самую точку. Эта невинная девочка даже сама

ещё не знала, что именно предпочитает. Она привыкла, что мужчина всегда должен быть нежным, ласковым. Девочка стыдилась своих истинных желаний, которые шли вразрез с её воспитанием и восприятием жизни.

– Прощай, – она развернулась и торопливой походкой, немного виляя аппетитной, сочной попкой покинула мой кабинет.

Только после того, как эта горячая, строптивая девочка покинула помещение я смог расслабиться.

Закинул ноги на стол и запрокинув голову, медленно прикрыл глаза.

И только когда я уже настроился и собирался подумать в тишине и спокойствие, как неожиданно услышал робкий стук в дверь.

– Войдите.

Дверь приотворилась и в кабинет зашла Антонина Петровна.

– Тоня, ты чего не спишь?

Незамедлительно скинул ноги со стола, когда женщина сурово обвела меня взглядом.

– Тысячу раз тебе говорила, что нельзя так сидеть. Ну что с тебя взять, – она махнула рукой, – как был упрямым мальчишкой, так и остался. Хотя с возрастом твоё упрямство пропорционально увеличилось.

– Что случилось?

– Случилось, – прокричала женщина и уселась напротив

меня, гневно сверля меня своим грозным взором. – Почему Вероника выбежала из дома в таких расстроенных чувствах? Что ты опять натворил? Зачем довёл девушку?

Устало помотал головой.

– Настройки у девочки сбились. Пришлось исправлять, – попытался тактично ответить Антонине Петровне, пользуясь приёмами любимого, пожилого юмориста всех женщин кому за семьдесят.

– Это у тебя настройки сбились, – судя по её гневному высказыванию, юмор не помог. – Она не хочет выходить за тебя замуж? В этом причина? Отвечай?

– А если и так, – облокотился на стол. – Не хочет. И что? Антонина Петровна поправила воротник рубашки.

– Тогда не следует её принуждать.

– Я не принуждаю. Она выходит за меня замуж ради сестры. Я плачу за лечение Ани, а она становится моей женой. Всё просто и банально. Можно сказать, что я покупаю себе жену.

Старушка слегка сконфуженно поводила глазами.

– Тёма, я тебя слишком хорошо знаю. Ты же не циник. Зачем так говоришь?

– Тоня, я не был циником, но всё течёт и меняется. В нашем мире по-другому нельзя. Всё продаётся и покупается.

– Нет. Ты не прав. Любовь купить нельзя.

Презрительно усмехнулся, – любовь - самое продажное чувство.

– Правда? И во сколько ты оцениваешь любовь ко мне? Сколько она стоит?

Вопрос прозорливой женщины поставил меня в тупик.

– Хорошо. Давай я конкретизирую. Любовь к детям, родителям, а ты мне как мать, нельзя оценивать в денежном эквиваленте. Но вот любовь женщины к мужчине легко.

На лице Тони появилось разочарование.

– Ты прав. Всё течёт, всё меняется. Где-то, что-то я упустила. Ты превращаешься в циника. И к сожалению, этот процесс необратим.

Вальяжно откинулся на спинку кожаного дивана, который идеально совпадал с моим дизайнерским костюмом и непринуждённо закинув одну ногу на другую безмолвно покачал головой.

– Нет, не верю. Ты всё-таки решил жениться на этой девушки. Да, пацан, удивил старика.

Улыбка наслаждения и удовлетворения заиграла на моих губах, внимательно наблюдал за Семёном, который удивлённо округлил глаза и интенсивно размахивал руками, продолжая искренне негодовать над моим решением.

– Признаю, девочка, безусловно, очень темпераментная и отлично слажена, но так быстро жениться, – мужчина озадаченно покосился на меня. – Она, что успела от тебя залететь?

Забеременела, да?

– Нет.

Очень лаконично ответил я. Если бы этот чёрт узнал, что я ещё даже не был с ней близок, то наверняка его маленькие, хитрющие глазки сразу же бы вылетели из орбит. Хотя, само предположение о её беременности мне очень даже нравилось. Прикрыл глаза мысленно представляя, как преобразиться Вероника, вынашивая моего малыша. Она мой идеал. Мать моего будущего сына.

– Чертовщина какая-то, – никак не успокаивался Семён.
– Тогда, какого х.я ты решил на ней жениться? Сколь вы с ней знакомы? Пару месяцев не больше.

– Мне было достаточно пары часов.

– Понятно. Наш айсберг растаял. Что, Тёма, влюбился?

Сразу так ответить на вопрос я не мог, поэтому лишь пожал плечами. Не уверен, что люблю Веронику. Мне очень сложно определить это чувство. Вот если бы меня спросили, люблю ли я Стефану, то здесь бы ответ был моментальный и стопроцентный. С Никой всё гораздо сложнее. Она меня, безусловно, притягивает, завораживает, мне с ней спокойно...

Невольно улыбнулся вспоминая сегодняшнюю ночь, когда эта малышка смогла разжечь самый настоящий пожар в моих штанах, перевернула душу и вынудила сердце вырываться из груди. И о каком только спокойствии я могу говорить, когда рядом со мной молодое, неискушённое девичье тело.

– Чего улыбаешься, Артём? Вспоминаешь о горячих ночах с девочкой? Небось гимнастка тебя заставляет попотеть. Боюсь представить, какие пируэты она вытворяет в постели. И не только, – с вульгарной, напыщенной ухмылкой на старческих губах похотливый козёл постучал по поверхности стола.

Моментально убрал улыбку со своего лица.

– Сёма, не забывайся. Выбирай выражения, когда говоришь о моей будущей жене.

– Понял. Извини. Не сдержался.

Сука! Не сдержался он, похотливый кабель даже не представляет, какие пируэты способна выделять его блудливая жёнушка. Но ему этого уже и не узнать. Пожилой мерин не осилит молодую наездницу. Так и будет Лиза по мужикам бегать, пока этот урод не сгинет или всё-таки не решиться с ней развестись.

– Слушай, а я тут решил, что мне пора продать свой бизнес.

Резкая перемена темы разговора не на шутку взбудоражила меня, не говоря уж о том, что Семён принял довольно странное решение.

– Не понял. А почему? В чём причина? – Мгновенно протараторил я, мысленно прикидывая, за сколько я смогу приобрести бизнес своего партнёра. Давно грезил идеей стать полноценным собственником и развивать компания самостоятельно. Семён был мне необходим на начальных стадиях

развития бизнеса. Его опыт и авторитет в определённых бизнес-кругах помогал открыть многие двери, но сейчас он стал для меня скорее обузой. Новых идей не предлагал, а деньги, как всегда, падали ему на счёт.

Мужчина угрюмо поводил пальцами по морщинистому, слегка обрюзгшему подбородку.

В этот момент я стал понимать Елизавету. Молодая, красивая девушка в самом расцвете лет и этот пожилой мужчина... Да, никаких денег мира не надо, только бы он не прикасался своими грязными пальцами.

– Староват я уже стал. Хочется как-то поспокойнее пожить. Заработал себе уже на безбедную жизнь. И себе и Вики хватит, – мужчина, немного придерживаясь за край стола, неторопливо поднялся на ноги и, закинув руки за спину, подошёл к окну. – Чтобы управлять многомиллиардным бизнесом нужна молодая, горячая кровь. Железная хватка, – он сильно сжал пальцы в кулак и помахал рукой в воздухе.

– Прекрати, ты ещё ого — ого, – соврал, чтобы окончательно не расстраивать старика.

– Пи...ь, и даже не моргаешь, – Сёма резко отвернулся от окна и посмотрел на меня. – Эх, Тёма, ты далеко пойдёшь. В тебе есть хватка. Ты настоящий мужик. Как волк, если схватил добычу, то уже не отпустишь. А я, к сожалению, сдаю позиции, – он тяжело вздохнул, в этот момент мне даже стало его немного жаль. Сёма действительно походил на старого, матёрого волка, израненного в боях. Но чувство жалости

очень быстро пропало, на смену благородной эмоции пришло более лицемерное, властное желание. Я, как никогда, был близок к осуществлению поставленной задачи, и Семён не ошибся, почувствовав запах крови, ощутив слабость, я сразу же реагировал.

Плотоядная улыбка на секунду свернула на моих устах.

– Тебе надо выдать Викторию замуж. Она женщина, ей будет тяжело управлять бизнесом. Рассмотрим наиболее подходящую кандидатуру для неё.

– Кого, Тёма? Я вот, грешным делом надеялся, что она тебе приглянется, но, как оказалось и здесь просчитался.

Озадаченно ухмыльнулся.

– Извини, старый друг, но здесь я пас, – широко развёл руками. – Я уже нашёл свою спутницу и мой выбор окончательный.

Точно, Семён окончательно распрощался со здравым смыслом. Маразм подкрался незаметно. Его ненаглядная дочурка - самая последняя шалава, я ни то чтобы жениться на ней не решился, я даже Стеши близко к ней приблизиться не позволю. Нет, Сёма, ищи другого дурака. Хватит с меня гулящих баб. Я хорошо усвоил урок, который мне преподавала бывшая супруга.

– Это твоё окончательное решение?

– Да.

– И сколько ты хочешь? Назови сумму.

Старик высоко поднял подбородок и задумчиво поводил

глазами, внимательно вглядываясь в потолок.

– Секунду, – он приподнял палец вверх. – Сейчас подумаю, – неспешной походкой он подошёл к моему рабочему столу и взяв маленький разноцветный кусочек бумаги быстро написал сумму. – Вот такая сумма меня вполне устроит.

Поднялся с дивана и подойдя к мужчине, взял из его рук клочок бумаги.

Вот же старый чёрт. Нарисовал своим корявым подчерком круглую сумму из шестизначных цифры. Интересно, а харя его толстая не треснет.

– Ты это серьёзно?

– Абсолютно! Тёма, если ты не хочешь, – он потянулся к бумажке, – то я могу предложить купить мой бизнес другим людям. Нет проблем. Ничего личного, просто бизнес.

Вот же сука маразматическая, строит из себя дурака, а сам своего не упустит. Он прекрасно знает, что я скорее сдохну, нежели, позволю кому-то влезть в мой бизнес.

– Мне надо подумать.

Не позволил гневу завладеть собой.

– Ну хорошо. Сколько тебе надо времени?

– Не знаю. Сам понимаешь, вся эта свадебная суета, отнимает огромное количество сил. Дай хотя бы месяц.

Семён громко хохотнул и слегка ударил меня по плечу.

– Ну хорошо, Артём. Даю тебе месяц, но не больше, – он грозно помахал пальцем почти прямо перед моим носом. – Как-никак не чужие люди. Столько вместе пережили.

– Спасибо.

Мужчина устало вздохнул и перевёл глаза на шкаф, где у меня хранилась алкогольная продукция для особых знаменательных случаев.

– Может, отпразднуем такое знаменательное событие?

– Что праздновать, – гневно ответил я. – Мы ещё не заключили сделку.

Мужчина сурово покачал головой.

– Ох, молодёжь. У вас одни бабки в голове. Я про твою предстоящую свадьбу. Давай выпьем за твою счастливую жизнь.

Не был сторонником распития горячительных напитков на рабочем месте, но по такому счастливому случаю готов был сделать исключение.

– Понял. Сейчас всё организуем.

Подошёл к входной двери и выглянув в приёмную, убедившись, что посторонних глаз нет, мягко скомандовал улыбающейся во все тридцать два зуба секретарше, – Оленька, организуй нам с Семёном коньяку с лимончиком и какой-нибудь лёгкой закуски.

Девушку игриво похлопала длиннущими, пушистыми ресничками.

– Пять минут и всё будет у вас на столе.

Оля произнесла это таким бархатным голоском, с явным намёком, что в скором времени на столе может оказаться не только коньяк и закуски, но и она сама без трусиков. В бы-

лые времена отреагировал бы на такое кокетливое поведение, точно бы развлёкся с пышногрудой, безотказной девицей, но только не сейчас. Больше не хотел размениваться по мелочам, я как тот корабль, который наконец-то прибыл в свою тихую, безмятежную гавань.

Нежно улыбнулся и развернувшись направился к своему столу.

– Присаживайся, Сёма. Сейчас нам с тобой всё принесут.

– Вот и хорошо, – мужчина интенсивно потёр ладони и присел напротив моего рабочего стола.

Спустя пару секунд в кабинет вошла длинноногая секретарша, держа в руках небольшой поднос с коньяком и закусками.

– Ах, где мои семнадцать лет, – простонал старик, похотливо разглядывая стройные ножки девушки. – Оленька, с такими формами тебе надо не с подносами таскаться, а по подиуму вышагивать.

Девушка робко улынулась и, поставив поднос на стол, прошептала, – Артём Владимирович, я могу быть свободна? Или вам ещё что-то нужно?

Оля кокетливо поправила белоснежную рубашку, которая выгодно подчёркивала её стройную фигурку.

– Спасибо. Иди домой. Уже поздно.

– Хорошо, – с лёгким сожалением в голосе, сахарно прошептала сексуальная девушка.

Оля посмотрела на Семёна. Мужчина без стыда палился

на девушку и был похож на кота.

– До свидания, Семён Аркадьевич.

– До свидания, милая, – с придыханием проговорил старик.

Отвёл глаза и едва уловимо усмехнулся. Вот же старый актёр, пару минут рассказывал мне, что является старым, побитым волком, но при этом при виде миловидной девочки моментально изменился и превратился из умирающего волка в опасного хищника. Да с ним надо ухо держать востро. Он лишь делает вид, умышленно приbedняется. Этот хитрый лис слишком прозорлив.

– Хорошая девочка, – провозгласил Семён, как только за Ольгой захлопнулась дверь. – Надо бы её как-нибудь опробовать. Соскучился по молодому телу.

– Не смей.

– Почему? Неужели ты её для себя присмотрел, – с обидой проговорил мужчина. – Ещё даже себя не окольцевал, вдоволь женой не наслаждался, а уже на других баб заглядываешься.

Разлил коньяк и, протянув рюмку мужчине, ответил, – я не заглядываюсь на других баб. Мне просто девочку жалко. Она неплохая, слишком молодая. Жизни ещё не знает.

– Удивил. Действительно, Вероника на тебя положительно влияет, – он приподнял рюмку с горячительной жидкостью. – За твою прекрасную жену. Пусть она будет верной спутницей для тебя.

– Не сомневайся. Так и будет.

Быстро осушив рюмку, поставил её на стол и закусив долькой лимона, поморщившись, произнёс, – она действительно уникальная девушка. Редкое сочетание внешней и внутренней красоты.

– Поддерживаю. Только вот, Тёма, ты не забывай про её парня.

Злобно оскалился.

– Бывшего парня. Нет его. Всё! Погиб как герой. Пусть орден за храбрость посмертно получит и сгинет.

Сёма так же, как и я знал, что в действительности произошло с этим пареньком. Собственно, благодаря ему и я узнал, что он не пал смертью храбрых, а выжил. Вот же живучий солдатик оказался. Хотя, в каком сейчас он прибывает состоянии жизнью, было назвать сложно.

– А если Вероника узнает?

– Не узнает, – холодно отреагировал на вопрос я. – Если, конечно, ты ей не расскажешь.

Семён приподнял густые, тёмные брови и недовольно хныкнув, разлил коньяк по пустым рюмкам.

– Ну ты даёшь! Зачем так старого друга обижаешь. И без меня есть люди, которые могут донести до Ники правду. Не боишься?

Склонившись над столом, решительно проговорил, – страх – это глубочайшая бездна, в которой гибнут люди и народы. Именно страх является спутником всех неудач.

Выпрямился и ехидно ухмыльнулся, – а меня неудачником назвать невозможно. Это девочка моя. Никакой Ваня не сможет её у меня отнять. И кто знает, может всё-таки бог сжалиться над ним и призовет его душу.

– Ты всегда был самоуверенным. По всей видимости, это качество в тебе и нравится бабам. Высокомерный, холёный, властный и жестокий, но вот что я тебе скажу, Артём, – мужчина замолчал и залпам осушил рюмку. – Страх – нормальное человеческое чувство... Возможно, самое нормальное и самое человеческое. Может, следует рассказать Веронике всю правду. Или же всё-таки ничего человеческого тебе не чуждо, и ты боишься её потерять?

Провокация... Этот седовласый мужик смог подловить меня, точно определив моё настроение, выявив слабые места.

– А как бы ты поступил на моём месте?

– Мне никогда не быть на твоём месте, сынок. Я даже в молодые годы не мог похвастаться такой харизмой как у тебя. Бабы тебя обожают. Боготворят. Бери любую. А тебя всё тянет на чужих.

Напряжённо поводил глазами.

– Знаю я всё про тебя и Лизу.

– Что всё? Конкретизируй, – сохраняя самообладание, проговорил я.

Старик хитро сузил глаза.

– Трахаешь ты её временами. Можно сказать, от скуки. А

эта дура с ума по тебе сходит.

– Знал и молчал, – даже не думал отпираться.

– Знал и молчал. Люблю эту суку — похотливую. Ты вот быстро выкинул свою неверную жену, а я так не могу.

Приподнял глаза.

– И что будешь делать?

– А что я буду делать? – Как ни в чём ни бывало, проговорил он. – Жить. Я люблю Лизу и готов прощать ей её маленькие, невинные похождения.

Старик усмехнулся, – ладно. Я на тебя не в обиде, просто не понимаю, почему тебя так притягивают запретные отношения. Ты же и Ленку у парня отбил. Потом на Лизу переключился, а сейчас вообще увлёкся девочкой, которая всем сердцем любит другого.

– А мне нравится искушать женщин. Проверять на деле так уж ли сильная их любовь.

Глава 3. Вероника

– Не верю своим ушам, – простонала Аня, пронзительно вглядываясь в меня своим обжигающим, пытливым, осудительным взглядом. – У тебя, что проблемы с головой, – она яростно постучала ладошкой по лбу. – Ты чего несёшь? Какая у тебя свадьба может быть через неделю? Окрестись, Ника. Ты меня пугаешь.

Удручённо опустила виноватый взгляд. Аня задавала слишком болезненные вопросы. У меня не было на них ответов. Я могла лишь молча выслушивать все её несправедливые гневные упрёки и тихо вздыхать.

– Милая, – нежно прикоснулась к её рукам, – не волнуйся, пожалуйста. – Сейчас, самое главное, чтобы ты пошла на поправку.

– К чёрту моё здоровье, – сестра резко дёрнула рукой и вырвала свои пальцы из-под моей ладони. – Ты зачем замуж выходишь за этого Бодрова? Не думала, что сможешь так быстро забыть Ивана. Ты его недостойна. Даже мизинца этого парня недостойна. Ника, ты ведёшь себя как последняя дрянь.

– Пожалуйста, не говори так. Ты не понимаешь.

Аня немного наклонила голову.

– Хорошо. Готова взять все слова обратно. Скажи мне, чего я не понимаю. В чём причина твоей свадьбы с этим бога-

тым мальчиком? Что любовь неожиданно проснулась в твоём раненом сердце. Да ты даже не похоронила Ивана. Его труп до сих пор не обнаружен.

Закатила глаза, пытаясь сдержать обжигающие, горькие слёзы.

– Милая, я всё тебе объясню, – собравшись с силами, посмотрела на враждебное лицо Анны.

– Ника, ты зачем замуж выходишь? Из-за меня.

Робко повертела головой.

– Нет. Так сложились обстоятельства. А что собственно такого, – изобразила непринуждённый вид, – Артём богатый, молодой, успешный и очень даже симпатичный мужчина. Сейчас упущу шанс, может такой уже не подвернуться больше.

Даже самой стало мерзко от произнесённых слов, полностью повторила фразы матери, продолжая разыгрывать счастливую невесту, при этом кошки на душе скреблись. Хотелось выть, но я не могла подвести сестру. Если она узнает истинные причины моего поспешного замужества, то незамедлительно откажется от поездки в Германию, а такого я допустить не могла.

– Из-за меня. Ты замуж выходишь из-за меня.

– Нет. Ты что? – моментально попыталась переубедить сестру, но все усилия оказались тщетными. Аня была далеко не глупой девушкой, в чём чём, а в наивности её трудно было заподозрить.

– Боже. Из-за этих проклятых ног, – она отчаянно ударила по своим неподвижным конечностям. – Проклятие. Будь всё проклято! Ненавижу.

Незамедлительно перехватила руки сестры, не позволяя более совершать никаких необдуманных действий.

– Послушай, Аня, – громко заявила я. – Ты моя сестра. Близкий и родной человек, ради твоего здоровья я готова пойти на что угодно. Ты разрываешь мне сердце. Не делай так. Умоляю тебя. Мне нужна поддержка. Как никогда, нужна поддержка.

Голос дрогнул, но я, собрав последние силы в кулак, продолжила, – прошу, можешь не принимать моё решение. Ты вправе осуждать. Злиться и даже ненавидеть меня. Но, Аня, пожалуйста, не отворачивайся от меня и не отказывайся от помощи. Ты мой последний лучик света.

Сестра опустила глаза и из-под её дрожащих ресниц покатались маленькие солёные слезинки.

– Ника, как ты могла подумать, что я способна тебя ненавидеть. Ты моя сестра. Любимая и родная младшая сестрёнка. Я скорее злюсь и ненавижу себя. Своё состояние. Беспомощность.

Пододвинулась ближе к сестре и бережно обняв её за шею, ласково поцеловала. В этот момент я осознала, что всё остальное не имеет никакого значения, моя жертва является минимальная по сравнению с тем, что мы получим в будущем... А в будущем у моих родителей на лицах вновь заигра-

ет счастливая, радостная улыбка, как только они увидят здоровую, полноценную дочь. Я даю Анне шанс на новую жизнь.

– Ника, подумай. Может, не стоит, – в очередной раз Анна предприняла попытку переубедить меня, свернуть с пути, но этого сделать было невозможно. Я приняла окончательно верное решение.

Ещё раз поцеловала родного человека и опустив руки, пристально посмотрела в грустные глаза Ани.

– Родная, давай мыслить прагматично. Артём Владимирович не самый плохой вариант. Ивана я уже не верну. Мне больно, да что там больно, такое ощущение, что я стала похожа на существо. Как будто бы сердце окаменело, все чувства заledenели, ничего не радует. Кроме одного, – аккуратно убрала прядь волос с её белоснежного личика. – Я чувствую, прилив жизненных сил, когда думаю о том, что ты скоро встанешь на ноги. Поэтому, пожалуйста, не отказывайся от помощи. Не лишай меня смысла жизни.

– Не буду. Но что, если ты не сможешь с ним жить. Так и будешь всё жизнь страдать.

– Ой, прекрати. Мы, что в каменном веке живём. Не понравится, разведусь. Делов-то, – спокойно и непринуждённо пробормотала я и для большей убедительности театрально изобразила весёлую улыбку.

Аня ответила мне взаимной усмешкой, правда, её глаза всё ещё были опечаленными.

– Ладно, дорогой мой человек. Я пойду. Время посещения

заканчивается, а Самуил Абрамович потребовал от меня, чтобы я тебя берегла и долго не обременяла своим присутствием, – медленно сползла с больничной койки. – А ты, как никто, иной знаешь, что спорить с нашим суровым доктором недопустимо. Он человек серьёзный, может и за шкуру выкинуть.

Аня звонко рассмеялась полностью, соглашаясь с моими фразами, бесспорно, разделяя моё утверждение.

– Тебя хоть за шкуру может выставить из госпиталя, а мне всё время грозиться прописать очередную порцию неприятных уколов, – она игриво провела рукой по бедру. – Сама понимаешь в какое место.

Теперь уже не сдержалась я и громко захохотала.

Удивительно, но у меня создалось стойкое ощущение, что это не я спасаю Аню, а она меня. До того момента, как я с ней поговорила моя жизнь была наполнена серостью, грязью. Душа погрузилась во мрак, сердце заполняла лишь неутрачиваемая боль, которая с каждым вздохом набирала обороты и разрывала меня изнутри. Но рядом с сестрой я получала долгожданный глоток свежего воздуха. Жизнь приобретала новые, более яркие краски. И пусть боль никуда не уходила, тяжёлые мысли об Иване не растворились, но всё же теперь я понимала смысл жизни. Вот он долгожданный свет в конце тёмного тоннеля.

– Ладно, моя любимая бунтарка, – подскочила к сестре и

вновь поцеловала её в разбуряившуюся щёчку, – я побежала. Завтра к тебе ещё заскачу. Хорошо? А ты будь умницей и выполняй все требования врача. Самуил Абрамович хоть и строгий, но всё-таки очень добрый человек. Аня, он тебе добра желает.

Аня аккуратно взяла мою руку и поцеловав её, прошептала, – пусть тебя хранит бог. Я никогда не забуду о твоём поступке. Принимаю твоё решение, но при этом осознаю, что по гроб жизни буду обязана тебе. Я не смогу радоваться своему выздоровлению, если ты не станешь счастливой. Моё счастье не может стоять выше твоего.

– Именно поэтому, радость моя, я обязательно буду счастлива, – аккуратно потрепала старшую сестрёнку за волосы и на прощание, одарив её нежной, любящей улыбкой покинула больничную палату.

Неторопливо двигаясь по коридору вдали заметила нашего серьёзного, грозного доктора.

– Самуил Абрамович, – в знак приветствия помахала рукой.

Мужчина улыбнулся и кивнув головой, торопливым шагом направился ко мне.

– Доброе утро, Вероника.

– Доброе утро.

Мужчина с важным видом поправил очки и, опустив глаза, быстро перебрал бумаги.

– Судя по анализам состояние Аниты удовлетвори-

ное. Думаю, что в скором времени, её можно может транспортировать в Германию.

– Хорошо. Я очень рада.

Врач говорил доброжелательно, улыбался, но я чувствовала себя рядом с ним не в своей тарелке, чуть больше месяца мы говорили с ним про Ивана, я рассказывала ему, как люблю Ваньку, переживаю, а вот теперь замуж собралась. Интересно он уже знает? Хотя какая разница не сегодня так завтра узнаёт. Вот ещё один человек, мнение которого для меня важно, подумает, что я продажная девка, предательница.

– Самуил Абрамович, вы оформляйте все документы. Деньги через неделю поступят на счёт. За это даже не переживайте.

Мужчина озадаченно опустил очки ближе к кончику массивного носа.

– Дорогая, а я и не переживаю. Деньги в полном объёме уже переведены. Контракт заключён. Сейчас самое важное, чтобы состояние, пациентки полностью стабилизировалось и можно её направлять в Германию.

– Что?

Сердце бешено заколотилось в груди, лицо моментально побледнело, я не могла поверить собственным ушам, казалось, что его слова – это лишь слуховая галлюцинация. Какие деньги? Как?

– Кто заплатил?

– Ника, а как ты думаешь?

– Бодров Артём Владимирович, – несложно было провести логическую цепочку и прийти к правильному выводу. – Самуил Абрамович, вы меня осуждаете?

Мужчина снисходительно помотал головой, – дорогая моя девочка, кто я такой, чтобы осуждать тебя. Я прежде всего доктор. Моя святая обязанность людей спасать. Делать всё, чтобы они поправились. Поверь, я знаю, что такое, когда приходится принимать тяжёлое, непопулярное, а иногда даже аморальное решение. Но ничего не может быть ценнее жизни. Ничего.

– Вот сейчас я принимаю аморальное решение. Предаю Ивана, ради спасения сестры.

– Во –первых, – уверенно произнёс мужчина, – ты никого не предаёшь. Ваня – офицер, он прекрасно знал, что каждую минуту рискует жизнью. Это его выбор. Во-вторых, иногда, чтобы спасти больше людей приходится жертвовать одним. Нельзя спасти всех. Милая, я был на войне. Знаю, что это такое. Когда не хватает медикаментов, сначала спасаешь раненых военнослужащих, которые потом вновь берут оружие и спасают людей. И только потом мирных граждан. Жестоко, но выхода нет. Спаси сильного, чтобы потом он помог слабому.

Уныло ухмыльнулась.

– Самуил Абрамович, спасибо вам за всё.

Мужчина глубоко вздохнул и, схватив меня за руку, плотно прижал к своей груди.

– Держись, милая. Не сдавайся.

Я слышала, как сильно бьётся его сердце, сейчас передо мной был вовсе не железный, каменный, прагматичный доктор, сейчас я видела доброго, ранимого человека, который так же, как и я переживает огромную трагедию в жизни.

– Пока ты помнишь про Ивана, он будет жить.

Отстранившись от мужчины, сделала пару шагов назад и требовательно сузила глаза, – вы думаете есть надежда, что он выжил?

– Надежда – продукт воображения. Отчаяние – тоже. Отчаянию слишком живо рисуются возможные беды; надежда – это энергия, и она побуждает ум использовать все способы борьбы с ними. Самуил Абрамович горько усмехнулся, – когда умирает надежда, на её месте обязательно возникает пустота. Ника, тебе нет смысла надеяться и ждать. Пока ты будешь верить, твоя жизнь пройдёт. Надежда – это не всегда благо. Иногда она бывает ложной.

Сквозь листву проглядывало робкое солнышко, играя в редких, ещё не совсем высохших лужицах.

Невольно посмотрела вдаль и заметила разноцветный «мостик» – радугу. Три ярких полосы.

Обязательно после ненастной погоды наступает солнечный день. Я должна верить, бороться и всё же надеяться.

– Привет, – неожиданно за спиной раздался не особо приятный, немного надменный женский голосок.

Резко развернулась и увидела перед собой эффектную, крашеную блондинку, которая с наигранной улыбочкой на своих неестественно пухлых губах, пристально рассматривала меня.

Постепенно начала вспоминать... Это же та самая Елизавета, с которой меня познакомил Бодров в кафе. Интересно, что эта богатая дамочка забыла в военном госпитале. Неужели решила пойти в армию служить. А что? Она с такими внушительными женскими прелестями вполне способна в десанте проходить службу, не раскроется парашют, так всегда запасной иметься.

– Елизавета, правильно?

– Всё верно.

– Доброе утро. А что вы здесь делаете? – демонстративно поводила глазами из стороны в сторону. – Кого-то пришли навестить?

– Молодец! По всей видимости, не все спортсмены тупые как пробка. Просто гениальное умозаключение.

Её высокомерный, надменный тон изрядно начал меня раздражать. Неспроста она мне не понравилась с первой нашей встречи. Слишком гордая, независимая женщина, привыкшая смотреть на людей сверху вниз, показывая своё надуманное превосходство. На самом же деле была обыкновенной, бездушной куклой, которая ощущала свою ущерб-

ность, но пыталась компенсировать женские комплексы за счёт других.

– Елизавета, простите не знаю, как вас по отчеству, – равнодушно произнесла я, умело скрывая неприятное отношение к этой невоспитанной особе.

– Прекрати, – махнула женщина рукой, – давай без этих отчеств. Ника, я приехала, чтобы с тобой поговорить.

– Правда? И о чём позвольте мне с вами говорить?

– Есть о чём, – хныкнула она. – Поверь у нас с тобой гораздо больше общего, чем ты думаешь. Вот к примеру, мы любим одного и того же человека. Вернее, – она оценивающим взором пробежалась по моему силуэту, – я-то точно люблю Артёма, а ты его просто используешь.

С откровенным негодованием приоткрыла рот. Вот же зараза! И это при живом-то муже! Наглячка. Без стыда и совести заявляет о любви к чужому мужчине. И не просто к чужому мужчине. К Бодрову. К моему будущему мужу.

Машинально прижала руку к сердцу. Откуда во мне зародилось необъяснимое чувство ревности? Почему мне вдруг стало неприятно, что эта высокомерная дешёвка претендует на ненавистного мне мужчину.

– Ника, ты же не хочешь выходить за него замуж, – утвердительно заявила Елизавета и ближе подошла ко мне. – Послушай, я тебе не враг, а друг. Ну, по крайней мере, – она игриво закатила глаза, – в этом вопросе. У меня есть план. Я помогу тебе избежать брака по принуждению.

– А что взамен?

– Нет, всё-таки спортсмены умом и сообразительность не отличаются.

Лиза яростно потрянула шевелюрой.

– Мне нужен Артём.

– Это я понимаю, – высоко подняв голову, возмущённо ответила я. – Я не понимаю, в чём будет заключаться моя роль. Вы что действительно полагаете, что, если наша свадьба расстроится вы сможете быть рядом с ним.

Быстрым взглядом пробежалась по искусственной девице, которая никак не годилась на роль супруги статного, привлекательного, утончённого Бодрова. И уж тем более она не могла претендовать на роль матери Стефании. Удел этой несчастной ублажать старых богатеев и то судя по её возрасту, она уже и с этим плохо справлялась.

– Слушай, милочка, это не твоё дело, – женщина гневно поморщила лоб и яростно схватила мою руку. – Я готова на всё. Не стой на моём пути. Лучше быть моим союзником, в противном случае я оставлю от тебя пустое место.

Злобно сверкнула глазами и, резко вырвав руку, словно на автопилоте прокричала, – пошла ты к чёрту! Для вас это всё простая блажь. Игра. А для меня жизнь. Если я дёрнусь, то Бодров разрушит жизнь моей сестры. Я не могу рисковать её здоровьем. Не могу и не буду.

Бегло осмотрелась по сторонам, охваченная приступом ярости, позволила себе устроить сцену прямо возле госпита-

ля. Боже, как стыдно! Здесь люди проходят лечение, некоторые даже жизни лишаются, а я словно торговая бабка с рынка, кричу на всю улицу. Убедившись, что нас никто не видит и не слышит, облегчённо выдохнула и вновь посмотрела на Елизавету.

– Я не могу. От Бодрова зависит жизнь Ани.

– Знаю. Я всё продумала. Смотри, он уже оплатил лечение. Правильно?

– Да. Оплатил. И что? Предлагаешь его кинуть?

Лиза хитро прищурилась.

– Да. Он уже не может расторгнуть контракт.

– Не может. Да он меня прибьёт. Лиза, просто гениальный план.

Елизавета расцвела на глазах.

– Прибьёт, если найдёт. Я дам тебе денег. На время уедешь из страны. А там всё уляжется. Успокоится.

Свела руки на груди и с откровенной издёвкой на устах, проговорила, – молодец! Гениально всё продумала. Только вот я так поступать не буду. Чтобы не было между мной и Бодровым, но превращаться в мошенницу не стану. Это самое настоящее предательство. Воровство чужих денег. У нас с ним сделка и я выполню условия до конца.

– Благородная проститутка.

– Я в тебе и не сомневаюсь. Род твоей деятельности мне известен.

Она вспыхнула и мгновенно замахнулась на меня, но ударить этой желточной женщине меня не удалось, быстро перехватила её руку и крепко сжав запястье, прорычала, – никогда не смей поднимать на меня руку. Ты меня не знаешь. Не будь столь самоуверенной, только жизнь покажет кто из нас более сильный. Запомни, дрянь, я ради своей семьи и убить могу. Не испытывай меня и не искушай.

– Дура. Ты даже не представляешь, что он за человек.

– Правда? И какой же он человек?

Гневно отшвырнула её руку от себя.

– Его жена не умерла. Лена жива и здорова. Он выкинул её из своей жизни. Отобрал ребёнка и внушил всем, что она пропала без вести. Ты представляешь, Бодров забрал мать у Стефании.

Широко расплылась в надменной улыбке, эта гадина использовала свой последний козырь. Ей было даже невдомёк, что Артём мне всё рассказал.

– Я знаю. И что? Это все твои аргументы или может ещё что-то есть, – брезгливо поморщила лицо и вальяжно поводила рукой. – Давай. Расскажи мне что-то более весомое. Имеющее значение.

Она молча наблюдала за мной. Выражение её лица менялось на глазах, женщина судорожно провела пальцами по щекам.

– Слушай, давай поаккуратнее, а то ненароком весь боевой раскрас останется на твоих пальцах. Ты, зачем так много

тонального крема используешь? – презрительно посмотрела на неё. – Морщины скрываешь? Так это не поможет. Твоё подлое нутро так и лезет наружу.

– Ника, тебя ждёт такая же участь. Бодров не умеет любить. Ты родишь ему долгожданного сына. Он поиграет какое-то время с тобой в семью, а потом всё. Выкинет из своей жизни. Лишив ребёнка.

После её фраз мой боевой дух упал. Я никогда не смотрела на ситуацию с этого бока. А главное, зная, что Бодров – человек достаточно жёсткий, я вполне допускала, что он может поступить подобным образом. Но вот в силу своей наивности почему-то рассчитывала, что даже если, у нас и будут дети, чисто гипотетически, и в один прекрасный момент мы с ним разведёмся, он не заберёт ребёнка. Теперь, спрашивается! Почему я глупая, наивная душа, так считала?

– Какая ты добрая. Не волнуйся за меня. Я не собираюсь рожать от Бодрова.

– Да. А ему ты сказала?

– Сказала, – молниеносно ответила я.

Лиза ехидно рассмеялась.

– Дура, потом не говори, что я тебя не предупреждала. Сейчас ты живёшь в розовых очках. Да и немудрено, – она игриво пожала плечами. – Что ты видела в жизни? Твой Иван просто обыкновенный, никчёмный мальчик. Что сладкой жизни захотелось?

Так и захотелось шлёпнуть нахалке по её жирным, вуль-

гарно накрашенным губам, но я сдержалась. Осознание, что проявление гнева являться признаком слабости мгновенно остудило мой пыл.

– Мне тебя искренне жаль.

– Что? Что ты сказала, дрянь-малолетняя. Ты на себя посмотри. Кто ты? И кто я?

Угрюмо опустила глаза.

– Сейчас мы с тобой равны, – с тяжёлым сердцем, но признавала, что в данный момент я ничем не отличаюсь от этой продажной девицы. Так же, как и она, продаюсь ради денег. Правда цели мы преследуем разные, но способ одинаково отвратительный. – Но всё же между нами есть огромная, колоссальная, непреодолимая разница.

– Ты опять про возраст, – злобно хихикнула она. – Так и ты не молодеешь, девочка. По вашим спортивным меркам, так вообще, заслуженный пенсионер.

– Дело не в возрасте. В отличие от тебя я знаю, что такое любовь.

Лиза примолкла на пару секунд.

– Я тоже знаю, что такое любовь. Только в отличие от тебя на собственной шкуре испытала, какой она может быть жестокой. Бодров не умеет любить. Он слишком азартный. Ему нравится процесс охоты. Завоёвывает, а потом он быстро теряет интерес. Понимаешь?

В эту минуту она говорила искренне, по крайней мере я не чувствовала фальши, наигранности в её голосе.

– Мне это и нужно. Я понимаю, что наш брак не будет долговечным.

– Не понимаешь, – возразила она.

Больше на её лице не было злорадной улыбки превосходства.

– Ты не сможешь перед ним устоять. Он будет медленно проникать в твоё сердце, отравлять кровь и вот однажды утром, проснувшись, ты осознаешь, что больше не сможешь жить без него. И вот тогда ты для него перестанешь существовать.

– Мне это не грозит, – лаконично ответила я.

Отмахнулась от неё, словно от надоедливой мухи, настойчиво жужжащей над ухом. Вроде вреда не причиняет, но раздражает жутко.

– Лена также думала. Наивно полагала, что сможет обуздать свои чувства. Ника, он страшный человек. Он же лишил её прав на ребёнка. Признал недееспособной.

Вздрогнула.

– В смысле?

– Бодров поместил Лену в психиатрическую клинику. Её пичкали транквилизаторами. Она подписала отказ от ребёнка, только потому что у неё не было другого выхода.

С недоверием покосилась на Лизу.

– Артём сказал, что она живёт во Франции. Даже себе какого-то мужчину нашла.

– Живёт, – женщина даже не пыталась отнекиваться, пол-

ностью подтверждая версию Бодрова. – Уехала после того, как он её принудил покинуть страну, предварительно подписав заявление. А какой у неё был выбор? Сдохнуть в психушке.

Судорожно задышала, пытаясь сконцентрироваться и проанализировать огромный поток противоречивой информации. Можно ли было доверять этой женщине?

– Лена пытается устроить свою жизнь. И да, чёрт возьми, у неё есть поклонники. А что она должна в монашки записаться?

Лиза немного поморщилась, – Тёма, конечно, оплачивает её безбедную жизнь. Чем-чем, а деньгами не обижает. Но ты мне ответь, разве можно продать материнскую любовь?

– Не знаю. У меня детей нет.

– Вот именно. Пока у тебя детей нет. А в скором времени появится. И вот тогда он обязательно спросит у тебя, сколько ты хочешь за ребёнка. Потом заплатит круглую сумму и вышлет из страны. И будешь ты как отработанный, никому не нужный материал. Будешь жить и думать, а как там сейчас мой ребёнок.

Нервно прикусила губу.

– Буду решать проблемы по мере их наступления.

– Дура. Ты уже по горло в этих проблемах. Прими моё предложение. Беги от него. Спасайся.

Глава 4. Артём

Лениво натянул футболку и гневно поморщил лоб.

Твою мать! Вот какого хрена я повёлся на уговоры этого старого, хитрого чёрта и согласился идти на этот мальчишник. Хотя Сёма клялся и божился, что ничего особенного не будет, я отлично знал, что кроме того, что мне придётся выжрать невероятное количество водки, он обязательно пригласит элитных проституток. Так сказать, чтобы скрасить вечер.

Злобно повернулся к двери, услышав негромкий стук.

Кого ещё черти принесли?

Яростно размахивая руками, направился к выходу и мгновенно распахнув дверь, увидел на пороге Константина.

– Что случилось? – Рыкнул я.

Согласно правилам моего дома, охранники не могли подниматься на верхний этаж, максимум принимал их в своём кабинете или в гостиной.

– Говори быстрее. Водка стынет.

– Артём Владимирович, у меня к вам очень деликатный разговор. Можно поговорить. Я не отниму у вас много времени.

– Какого х.я, Костик, – уныло простонал я. – Давай завтра поговорим. Мне сейчас не до тебя. Всё. Проваливай.

Парень настойчиво оставался на месте, усиливая моё раз-

дражение.

– Артём Владимирович, дело не отложное. Мне очень нужно с вами поговорить. Обещаю. Клянусь, что не отниму у вас много времени.

– Ты, что с первого раза не понимаешь, – резко сделал шаг вперёд и оказавшись в коридоре, схватил парня за рукав и грубо оттолкнул. – Придурок. Мне всё-таки стоило тебя уволить.

Костя покосился на меня.

– Я всё знаю.

– Что ты знаешь?

– Я знаю, что Иван жив.

Пару минут я молча убивал парня смертоносным, пламенным взглядом.

Блефует? Врёт? Нагло обманывает?

Пристально, со звериным блеском впивался взглядом в Костю. Проклятие. Чувствовал, что он вовсе не блефует.

– Заткнись, придурок. Сука, – мгновенно сорвался с места и схватив паренька за воротник как следует затряс. – Не смей больше открывать свой рот. Если жизнь дорога ты всё забудешь. Уяснил? – Разъярённо процедил сквозь плотно сжатые зубы. – Это не твоё дело. Если тебе жизнь дорога.

Мысли путались в голове. И как только этот упырь смог узнать правду. Идиот, и по какой хрен я взял его на работу. С другой стороны, кто же знал, что этот сучёнок мне такую свинью подложит. Но ничего, Костя -парень умненький, этой

твари жизнь дорога. А если хочет жить, то рот свой поганый открывать не станет.

Б...ь! Или станет!?

– Иван жив, – смело повторил парень, – и молчать я не собираюсь. И судя по вашей реакции вы тоже всё знаете. Он мой друг. Иван мне как брат. Этот мужик мне жизнь спас.

В эту самую минуту мне так захотелось запустить ему пулю между глаз.

– Ладно. Пошли в кабинет, – опустил руки и указал Косте на лестницу. – Там поговорим.

Следовало увести болтливого паренька, чтобы его болтовню случайно не слышали посторонние уши.

Быстрым шагом спустились по лестнице и направились к кабинету.

Захлопнув дверь, я пристально посмотрел на парня. Он был очень спокойным, даже намёка на страх не было на его наглой морде.

– Ты чего хочешь? Денег. Говори. Сколько надо, чтобы ты навсегда заткнулся.

– Мне не нужны деньги. Я хочу лишь поговорить с Вероникой. Она имеет права знать правду. Она же его до сих пор любит.

Расставив руки по бокам, со злорадной ухмылкой на губах, поводил надменным взором по мужчине.

Этот кретин меня действительно за конкретного барана принимает. Бл...во! Что же сразу к Веронике не пошёл? Ко

мне явился, разрешения просить. Вот же ублюдок. Торгаш. Интересно и за сколько этот гадёныш своё молчание продаст?

– Иван сейчас находится в крайне тяжёлом положении. Его ввели в состояние искусственной комы. У него мать - пенсионерка. Конечно, его руководство не бросает, но всё же.

– Всё же, что? Хочешь, чтобы Вероника с ним сидела с утра до самой ночи. Ты её в качестве санитарки рассматриваешь. Ебан...й, ты Костя.

Мужчина расправил плечи.

– Может, и ебан...й, но честный и не подлый. Я всё расскажу Веронике. Только она должна принимать решение, что делать дальше. Это её выбор, и никто не имеет права от неё скрывать правду.

Посмотрел на решительного пацана так, что он мгновенно потерял всю свою удалую прыть и незамедлительно притих.

– Костя, хочешь поиграть в героя? Вот расскажешь ты правду и кому от этого станет легче. Ивану уже не помочь. А вот жизнь Вероники сломаешь.

Слишком хорошо знал свою упрямую девочку, у которой в груди трепетно стучало благородное, честное сердечко. Ника ни за что не откажется от Ивана, будет днями и ночами дежурить возле него, искренне веря, что сможет помочь.

– Да при чём здесь геройство, – буквально взвыл парень. – Ванька мне жизнь спас. Я ему обязан. Я перед ним в долгу.

Паренёк решительно взмахнул головой.

– Иван спас мою жизнь, – более громогласно протрубил несчастный идиот, который не собирался отступить от принятого решения.

Злость прошибала изнутри, лишая самообладания.

– Превосходно. А я отберу, – размеренным шагом приблизился к парню. – Я же тебя гнида по кускам разрежу и каждый день буду посылочку родителям отправлять. И ты, Костя, хорошо знаешь, что пустых угроз на ветер не бросаю. Если сказал, значит сделаю.

И вот сейчас Костик действительно испугался, это парень довольно долго у меня работал и прекрасно знал, что пустыми угрозами раскидываться я не привык.

– Вы всё знали. Знали и молчали. Вероника никогда вас не простит. Это слишком жестоко, даже для такого человека, как вы.

Надменно усмехнулся.

– Сколько?

Костя удивлённо расширил свои глаза.

– Сколько? – Более громко повторил вопрос.

– Что сколько?

– Бл.ь, – нервно провёл рукой по лицу. – Сколько тебе надо денег, чтобы ты заткнулся?

Вот же гнида продажная, до последнего строит из себя девочку невинную. Хотя надо отдать должное, этот парень превосходно играет, вон как обиженно и встревоженно пялится

на меня. Друга из себя строит.

– Мне не нужны деньги. Я хочу помочь своим друзьям.

– Так помоги, – ехидно изобразил жалостливый голосок. – Твой Ваня уже одной ногой в могиле. Организуй ему должное прощание. А Нику оставь в покое. Ты думаешь, что поступаешь благородно, но на самом деле лишь обрекаешь молодую, красивую девушку на ужасную жизнь.

Парень отчаянно замотал головой.

– Пока ещё Иван жив. И бог даст, он выкарабкается. Доктор говорит, что у него молодой, здоровый организм. Шанс есть. И пусть он минимальный...

Сильно ударил по столу, да так, что кости захрустели, а кабинет озарил громкий, пронзительный звук.

Парень мгновенно замолчал.

– Придурок. Ты хоть понимаешь, что я тебя живьём в асфальт закатаю, если ты посмеешь рыпнуться. И тебя. И Веронику.

И сейчас я не шутил, она либо будет моей, либо ни чьей.

– Артём Владимирович, не поступайте так. Угрозами вопрос не решить. Вы не являетесь богом и не имеете права вершить чужую судьбу.

Первая здравая мысль проскочила в тупой голове моего безмозглого охранника.

– Ты прав. Угрозами проблему не решить. Надо приступать к более активным действиям. С чего начать? С тебя?

Парень инстинктивно начал отступать к двери.

– Костя, даже если ты сейчас уйдёшь, то в считанные секунды я тебя найду. Не найду тебя, приду к твоей семье. Родители у тебя уже немолодые люди. Не стоит их подвергать стрессовой ситуации.

– Я вас не боюсь. Артём Владимирович, я на войне и не таких как вы видел.

– Сомневаюсь. На войне ты врага знаешь. За семью не переживаешь. А здесь куда сложнее и опаснее, в мирное время.

Высокомерно поднял голову, – назови сумму. Костя, не тупи. Обеспечь себе достойное существование. Вани, ты уже не поможешь. Ты только усугубишь ситуацию. Ещё и Веронике вред причинишь.

– Это вы ей вред причиняете. Вы, – парень молниеносно взмахнул пальцем, прямо указывая на меня. – Ваня поправится и тогда одному богу известно, что он с вами сделает. Он мужик – жёсткий и принципиальный. Он вас никогда не простит.

– Заткнись, клоун, – прокричал я, стараясь заглушить басистый голос Костика. – Твой друг уже одной ногой в могиле. И ты очень близок к гибели.

– Ванька- настоящий мужик. Офицер. Он вас за Нику порвёт собственными руками, – никак не успокаивался разгневанный паренёк. – Иван выживет. Он поправится. И вот тогда вам никто не позавидует.

Крепко сжал края стола, цепко вонзаясь ногтями в самое его основание.

– Закончил, тупоголовый? Всё сказал или хочешь, что – то добавить?

– Всё, – прошипел гадёныш.

Победно улыбнулся, прожигая несчастного взглядом.

– Напомни мне, пожалуйста, Костик, чем ты промышлял до такого момента как попал ко мне. А главное, расскажи мне про девушку по имени Алиса, которую ты жестоко избил.

Парень мгновенно побледнел.

– Я был пьян. Она мне изменила. Я решил её проучить. Какое это имеет отношение к Ивану и Веронике?

– Собственно никакого, но вот уголовное дело до сих пор пылится на полках отдела полиции. Один мой звонок, и ты очень быстро перестанешь быть моей проблемой, – умело надавил на слишком болезненную точку, вот теперь правильно выбрал стратегию.

Костик, возможно, смерти и не боялся, а вот за свою репутацию переживал...

Да и перспектива оказаться на зоне его явно мало прельщала. А срок Костику грозил реальный.

– Не пугайте меня. Пуганный. Алиса забрала заявление и отказалась от всех обвинений. Признаю, в порыве гнева ударил её, она упала. Но никакого жестокого избиения не было.

Приподнял брови, – стоит поговорить с девушкой. Ты, как считаешь, после того как ты её ударил, а потом бросил, она

за круглую сумму согласится вновь свидетельствовать против тебя. Если я не ошибаюсь, она даже заявила, что ты её изнасиловал. Экспертиза была проведена.

– Делайте что хотите.

– Отлично. Тогда готовься отправиться на зону. Там любят красивых мальчиков, а статья у тебя ой какая интересная. Знаешь, что на зоне с насильниками делают? И это только начало. Подумай, как родители воспримут твоё задержание.

Костя опустил глаза.

– Он мой друг. Брат. Я ему жизнью обязан. Я не могу его предать.

– Сука! Твою мать, ты реально конечный баран. Всё зае... л. Иди, рассказывай всё Веронике. Давай. Ломай свою и её жизнь.

Парень стоял на месте, безмолвно всматриваясь в пол.

– Чего стоишь? Иди.

– Артём Владимирович, пожалуйста, не заставляйте меня предавать друга.

Гневно рассмеялся в полный голос.

– Ты мужик или тряпка половая. Прекрати скулить как побитая сука. Соберись и хорошенько подумай башкой. Кому нужна твоя правда. Он скоро сдохнет. Ему не помочь. А у Ники ещё вся жизнь впереди.

Костя немного приподнял голову.

– Тяжело и больно терять друзей. Понимаю. Даже восхи-

щаюсь твоей верностью, но сам подумай, хотел ли бы Иван, чтобы его любимая женщина видела его в таком состоянии.

Отодвинул кресло и присев, продолжил, – может, лучше, если она запомнит его сильным, мужественным героем, нежели последнее, что она увидит перед собой будет его полуживое тело.

– Легко любить сильного, мужественного героя, намного сложнее принять другую реальность. Вероника из тех девушек, которые никогда не бросают своего любимого человека.

– Тогда Расскажи ей правду. Обреки на счастливую жизнь с овощем. Она и сестру спасти не сможет и себя лишит счастья.

Костя обессиленно зажмурил глаза.

– Даже его мать ничего не рассказала Вероники.

– Нина Васильевна, – парень широко распахнул глаза.

– Да. Нина Васильевна. Она понимает, что шансов спастись у Ивана нет. Даже если он придёт в себя, то уже никогда не сможет стать полноценным человеком. Ты хочешь, чтобы Вероника до конца жизни из-под него утку выносила.

Парень угрюмо опустил брови.

– Не знаю. Мне надо подумать.

– Подумай, – поднялся с кресла и подойдя к сейфу, достал оттуда пачку зелёных банкнот.

Надменно бросил деньги на стол.

– Бери.

– Зачем?

– Бери, говорю. Матери его поможешь. Деньги лишними не бывают.

– Если только так, – Костя подошёл к столу и взяв деньги, засунул их во внутренний карман.

Машинально покосился на полу распахнутый сейф.

– И это только первый взнос. Не обижу. И матери Ивана помогу и тебе подкину.

– Мне не надо. Это всё для Ивана и Нины Васильевны.

Дурак, я ещё не знаю человека, который мог устоять перед звоном серебряных монет.

– Дело твоё. Распоряжайся деньгами на своё усмотрение.

Парень угнетённо усмехнулся.

– Артём Владимирович, Вы встретили человека и полюбили его всем сердцем, но он не ответил вам взаимностью. Неважно, в каком виде вы получили отказ: неприкрытое «нет» или игнорирование. Важно, что вы не слышите «да» и не видите в объекте обожания готовности равноценно вкладываться в ваши отношения. Здесь бы отступить и отправиться на поиски более подходящего вам человека. Но многие начинают операцию по завоеванию любви, и напрасно.

Брезгливо поморщился.

– Костик, ты что, решил меня жизни поучить?

Парень замотал головой.

– Нет, Артём Владимирович, вовсе нет. Лишь говорю о том, что хорошо знаю. «Насильно мил не будешь». И этого никому не изменить, – громко провозгласил Костик. – Даже

такому сильному, властному мужчине, как вы.

Сидя в парилке в полном одиночестве, пытался избавиться от пагубных, надоедливых, угнетающих меня мыслей.

– И почему такой красавчик скучает один, – промурлыкала вошедшая девушка. – Может, я могу скрасить твоё одиночество.

– Это вряд ли, – даже не задумываясь, вяло проговорил я. – Хотя, а почему бы и нет. Хороший секс ещё никому не помешал.

Плеснул на камни воды и блаженно прикрыл глаза.

– Давай, приступай. Только делай всё сама. Бабками не обижу.

– Без проблем. Меня, кстати, Оля зовут.

Мысленно усмехнулся. Обычно дамы из такой профессии называют себя более экзотическими именами. Анжела, Виолетта, но на худой конец, Снежана.

– Слушай, мне по х.ю ,как тебя зовут. Поработай ротиком и вали отсюда.

– Какие мы грубые, – девушка присаживается рядом со мной и протягивает ручку к полотенцу. Аккуратно разворачивает его и трогает своей рукой мой член. Естественно, мой дружок немедленно встаёт в боевую стойку. А Оля тем временем наклоняется к нему лицом. Мой член, влажный от пота, оказывается, в её миниатюрном ротике. Она сначала заглатывает только головку, помогая себе рукой. Потом посте-

пенно глотает всё глубже, иногда выпускает его из-за рта и ласкает языком яички. Я тихо рычу от удовольствия, купаясь в блаженном наслаждении. Оля ускоряется, и я взрываюсь фонтаном спермы, которую она умело проглотила.

– Отлично. Хорошая девочка.

– Это ещё, что. Я только начала. Невинные шалости.

Девушка поднялась на ноги и, кокетливо придерживая полотенце рукой, подняла ногу к потолку.

– Гимнастка.

– Гимнастка. Ты хоть представляешь, что я тебе сейчас устрою.

Ухмыльнулся.

– Пошли. Для начала устрою тебе маленький спектакль. Всё напряжение как рукой снимет.

Оля взяла меня за руку и потащила за собой, при этом игриво покусывая сочные губки.

Мы зашли в специальную комнату для отдыха, для богатых клиентов.

Девушка мгновенно взяла пуль в руки и нажала на кнопку. Зазвучала эротическая медленная музыка.

– Устраивайся поудобнее. Смотри и наслаждайся.

– Не сегодня, – схватил девушку за руку и толкнул на большой кожаный диван. – Отложим на другое время.

– Да без проблем, – она мгновенно сорвала полотенце со своего тела. Без лишних слов я быстро погрузил член в её жаждущий ротик. И вновь волна блаженства накрыла меня.

Замер, закинул голову назад и закатил глаза, в это время Оля, жадно заглотив член, активно принялась работать головой, не выпуская плоть ни на сантиметр из своего горла.

В этот момент я приглушённо застонал, слегка покачивая тазом, как бы стараясь ещё глубже погрузиться в горло девушки. Испытывал при этом неистовый оргазм, девочка тем временем героически приняла все удары фонтанов.

– Не обманула.

– Ну что стало легче.

– Стало. Но мне мало.

Распластав девушку на диване, я взгромоздился на неё и резко вошёл в её мокрую, горячую плоть. Ольга была уже достаточно возбуждена, поэтому мне не пришлось сильно стараться. Уже через пару минут она, впившись ногтями мне в спину, конвульсивно задёргалась и громко, протяжно застонала, извиваясь в долгожданном оргазме. Воодушевлённый своим успехом, я дал ей минуту отдышаться и, не выходя из неё, ловко перевернул её к себе попкой. Стоя на коленках, она расслабленно прижалась грудью и лицом к коже дивана, а я начал ритмично входить в неё сзади, жадно оглядывая все её прелести, выставленные мне на обозрение. Чем сильнее были мои удары, тем громче постанывала Ольга, явно испытывая новую волну возбуждения... Я взял её за волосы свободной рукой и, властно удерживая её в таком положении, стал яростно вбиваться в её тело. Через пару секунд сильнейшая волна оргазма накрыла меня и сладкие конвульсии

побежали по телу.

Поднявшись на ноги, осмотрел полностью удовлетворённую Олю.

– Ты действительно занималась гимнастикой?

– Да, – девушка взяла пару чистых полотенец и протянула одно из них мне. – А что? – девушка прикрыла махровой тканью свои прелести.

– А как до жизни такой докатилась?

Она пожала плечами.

– В жизни всякое бывает. Надеялась завоевать весь мир. Хотела даже стать олимпийской чемпионкой, – она широко взмахнула руками, – но роковая травма жестоко выкинула меня из спорта. И что делать? Я приезжая. Домой обратно мне никак нельзя. Мать работает с утра до самой ночи. Отец не просыхает.

Поправив полотенце на груди, она поднялась на ноги.

– Ты не подумай. Я не сразу в проститутки подалась. Просто как-то одним вечером меня пригласила к себе Карина Аркадьевна и предложила составить компанию влиятельному человеку.

Я почти не слушал душещипательный рассказ проститутки, даже сам не понимал, зачем вообще поддерживал с ней разговор, но услышав знакомое имя, отчество замер, и вопросительно обвёл напряжённым взором девушку.

– Карина Аркадьевна Новикова?

– Да, – удивлённо подтвердила она. – А ты её знаешь?

– Знаю. Вот же сука-старая, значит, она действительно промышляет тем, что молоденьких девочек под богатых мужиков подкладывает.

Оля покачала головой.

– Не совсем так. Она просто знакомит с влиятельными людьми, а там уж как карта ляжет. Мне не повезло.

Она звонко цокнула языком.

– Хватит. Проехали. Никто не виноват в том, что я продаю своё тело.

– Подожди, – перехватил руку девушки, не позволяя удалиться из комнаты. – Значит, ты знаешь и Веронику.

Оля задумчиво приподняла глаза.

– Веронику Игнатьеву.

Девушка моментально заулыбалась.

– Конечно. Я знаю Нику. Общаюсь с ней. Только вот она не знает, чем я зарабатываю на кусок хлеба. Правда, месяца два ей не звонила. Она наверно уже замуж выскочила за Ваньку.

Полный п...ц этого недобитого солдата каждая шалава знает.

– Не вышла, – разжал пальцы и отпустил её руку.

– Жаль. Ну ничего, скоро выскочит замуж. Такого, как Ваня упускать нельзя. Настоящий мужик.

Девушка покосилась на меня и оценив моё разгневанное выражение лица, испуганно прошептала, – а ты вообще откуда знаешь Новикову и Игнатьеву? Ты Веронике кем при-

ходишься?

– Жених.

Оля окаменела.

– Что? Не верю. Какой ты ей жених. У них с Ваней скоро свадьба.

– Ошибаешься, у неё со мной скоро свадьба. Буквально через пару дней.

Проститутка с негодованием посмотрела в мои глаза.

– А как же Иван?

– Всё прошла любовь, завяли помидоры.

– Чёрт! – громко провозгласила она. – Надо позвонить Нике. Ничего не понимаю.

Свирепая гримаса злости появилась на моём лице, грубо схватил девушку за плечи и прорычал, – никому ты звонить не будешь. Удали из телефона номер Игнатьевой и забудь о её существовании.

– Ну почему?

– А сама не понимаешь, – брезгливо осмотрел девушку и, убрав руки от её тела, направился на выход.

Твою мать, не хватало ещё, чтобы каждая шалава общалась с моей женой. Надеюсь, эта курица не слушается меня. Надо предупредить ребят пусть ей популярно объяснят, как следует припугнут.

– Ну что развлёкся, – с улыбкой на губах, удовлетворённо проговорил Семён. – Ну как девочка? Понравилась. Специально подбирал гимнастку.

Присел рядом со стариком.

– Спасибо. Угодил. Подсунул девицу, которая знает Веронику. Они, видите ли, общаются.

– Ах, Тёма, прости старого дурака. Не знал.

Посмотрел в хитрые глаза своего делового партнёра.

Конечно, не знал он. Вот же старый волк, хоть немного, но всё-таки нагадит. И как ему верить? Понимал, что верить нельзя. Ещё неизвестно, что выкинет это урод. У него есть на меня обида за мою интрижку с Лизой. Он скрывает истинные чувства. Ждёт момента, чтобы совершить прыжок и разорвать меня.

– Ты скажи ребятам, чтобы эта шалава держалась рот на замке и ни вздумала приближаться к Веронике.

– О чём разговор. Даже не сомневайся.

А я всё же сомневался. Доверять этому прохиндею не собирался, в любом случае и мои люди объяснят проститутке, что в её же интересах держать язык за зубами.

– У меня ещё одна проблема.

– Тёма, только не говори мне, что у тебя не встал на девочку.

Схватил наполненную рюмку и выпив горячительной жидкости, прорычал, – Костик знает о том, что парень Ники жив и сейчас находится в коме. Интересно, как это получилось? Оттого просочилась информация?

– Что за Костик?

– Мой охранник. Этот урод раньше служил с Иваном.

Старик нахмурился.

– Значит, у них есть общие знакомые. Тёма, моей вины здесь нет.

Злобно усмехнулся.

– П...ц. Не дай бог ему открыть рот. Собственными руками придушу.

Сёма как-то загадочно ухмыльнулся и, немного пригубив коньячку, протяжно простонал, – неужели убьёшь?

– Убью. Даже не сомневайся.

Старик звонко хохотнул.

– Я не сомневаюсь. Просто искренне недоумеваю как можно убить из-за бабы. Зачем? Я понимаю в лихие девяностые, когда ты ещё под стол пешком ходил, я прибегал к довольно жёстким методам.

Невольно улыбнулся, до меня, конечно, доходили слухи, что Сёма далеко не такой белый и пушистый, каким хочет казаться. Но, как ни крути, никто не смог доказать, что на его руках была кровь.

– Но тогда времена были другие. Жизнь другая. Убить из-за бабла, – он восторженно поднял руки, – вот это я понимаю. Но пачкаться из какой-то бабы, это нет. Зачем? Сегодня одна завтра другая. Они все по своей природе грешницы. Не было бы Евы, Адам бы никогда не попробовал запретного яблочка.

Взял бутылку и налив спиртного напитка себе и своему партнёру, произнёс, – самая первая женщина была Ева. Са-

мая красивая была Клеопатра. Самая умная Жорж Санд.

С хмельной улыбкой посмотрел на озадаченного Семёна.

– Ты это знал?

– Нет.

– Вот и хорошо. Теперь узнал.

Он молча кивнул головой.

– А теперь забудь.

– Не понял? – возмутился старик. – Ты к чему всё это говоришь?

По-дружески постучал мужика по плечу.

– Потому что самая первая женщина — это та, которая рядом. Самая красивая - это та, которая рядом. И самая умная - это та, которая молчит.

Старик поморщился, – и что для тебя Вероника та самая единственная и неповторимая? Ради неё ты готов и человека на тот Свет отправить?

– Я готов за неё жизнь отдать.

Старик взял рюмку со стола.

– Я постарше тебя, но иной раз, мне кажется, что ты гораздо опытнее, чем я. Признаю твой острый ум, железную хватку и безусловное мужское очарование. Но сейчас ты не прав.

Последовал примеру Семёна и взял в руку рюмку с коньяком.

– Опрометчивая женщина отказывается от богатого мужа во имя пылкого любовника. Предусмотрительная выбирает

богатого мужа, отказываясь от пылкого любовника. Мудрая женщина не отказывается ни оттого, ни от другого. За мудрых женщин!

Старик замолчал и преподнес к губам рюмку с коньяком быстро усушил ёмкость, я же продолжал неподвижно наблюдать за ним.

– Почему не пьёшь? Что думаешь, что все бабы – дуры?

– Нет. Не понимаю, к чему ты сейчас это сказал, – медленно поставил рюмку на стол.

– Тёма, каждому не повесишь замок на рот. Каждого не заставишь молчать. Ты можешь хоть собственное кладбище организовать, но результат останется неизменным.

Семён тяжело вздохнул.

– Тебе надо с ней поговорить. Объясни, что парень теперь стал овощем. Ну нет у них никакой возможности быть рядом. Нет и быть не может.

– Нет. Она его не оставит. Вероника будет часами сидеть возле него, – знал, о чём говорю, за непродолжительное время нашего знакомства я неплохо изучил Нику. – И тем более есть вероятность, что он может выйти из комы. Да, шансов мало. Но они есть.

Мужчина немного покривил губами.

– Прекрати. Какой там шанс. Один из миллиона.

– Да хоть из миллиарда. Вероника зацепится за эту возможность. А я не могу её потерять.

Семён, придерживая белоснежное, но уже изрядно намок-

шее полотенце, поднялся с дивана.

– Парень, ты просто одержим этой девушкой. Это, Тёма, не любовь. Послушай, старика, откажись от неё пока не поздно. Она никогда не полюбит тебя. Со временем начнёт заглядываться по сторонам, а ты измену не простишь. Её погубишь и себя, – он грозно помахал пальцем.

Снисходительно усмехнулся.

– Я уже однажды пережил измену. Ничего как-нибудь справлюсь.

– Нет. К Елене ты ничего подобного не испытывал. Тебе было с ней удобно. А вот Вероника тебя словно околдовала. Отступись.

Непринуждённо закатил глаза и, яростно откинувшись на спинку дивана, прокричал, – хватить повторять одно и то же. Вероника будет моей и пусть хоть весь мир ополчится против меня. Я её не отпущу и никому не отдам. А ты если не хочешь, – пронзительно посмотрел на старика, – можешь мне не помогать. Я и без тебя разберусь с Костиком.

– И как? Что сделаешь? Пулю ему в лоб пустишь. Не глупи.

Глава 5. Вероника

Тихим шагом подошла к огромной коробке нежно персикового цвета с лёгким прозрачным отливом и распахнув её, увидела шикарное свадебное платье.

– Вот урод. Скотина. Нет! Как же я могла всё это допустить?!

Я так увлеклась, что сама того, не замечая слишком сильно прокричала.

– Милая, что случилось?

Повернулась к матери, которая незамедлительно явилась на мои яростные вопли.

– Мама, это что такое? – указала пальцем на распахнутую коробку.

Женщина мило улыбнулась и, подойдя к кровати, бережно достала ненавистный мне наряд.

– Платье, достойное королевы, – мама провела рукой, чуть касаясь приталенного корсета. – Дорогая, тебе что не понравилось? А мне кажется оно просто идеально. И надо же с размером не ошибся.

– Бред. Кошмар какой-то.

Гневно посмотрела на пышную юбку.

– Убери его с глаз долой. Не собираюсь напяливать на себя этот ужас.

Мама положила платье на кровать, торопливо разверну-

лась и приблизившись к шкафу, достала вешалку.

– Превосходное платье. У Артёма идеальный вкус. Может, примеришь? – Она повесила платье на вешалку, но убирать в шкаф не торопилось, надеялась, что я соглашусь на её предложение.

Презрительно хмыкнула и безмолвно махнула рукой.

Я по сути, вовсе не на платье махнула, а на свою жизнь. Белый цвет. Цвет чистоты и непорочности, я же, в свою очередь, ощущала себя грязной, продажной девкой. Как не убеждала себя, как не пыталась переубедить и смириться, ничего не получалось.

– Ника, – едва слышно проговорила мама, вешая свадебный наряд в шкаф. – Пожалуйста, води себя на церемонии прилично. Умоляю не выкини, что-нибудь такое, – она интенсивно замахала руками, тщательно пытаясь правильно сформулировать свою мысль.

Звонко рассмеялась и быстро запрыгнув в кровать, пробубнила, – и что же такое страшное я могу выкинуть? Может Бодрова, прямо во время церемонии пристрелю. А что? Это идея. И сразу стану богатой вдовой.

Мама гневно поморщилась.

– Глупая девчонка. Даже думать о таком не смей. Разве можно желать человеку смерти?

– Нет. Человеку нельзя, а вот взбесившемуся, дикому животному можно и даже нужно.

– Не говори так, – она негромко выдохнула. – Артём нам

очень помог.

Бегло пробежалась по силуэту матери и поправив подушку, произнесла, – мамочка, ты меня извини, но я устала. Да и к тому же завтра у меня такое знаменательное событие. Как-никак первый раз замуж выхожу. И дай бог не последний.

– Дай бог первый и последний, – возмущённо прокричала мама и захлопнула за собой дверь.

Оставшись наедине с самой собой, дала волю своим чувствам. Болезненные, горькие слёзы градом посыпались из моих глаз. Чувство отчаяния – потолок душевной боли медленно накрывал меня. Сильнейшее отчаяние, безысходность прожгла изнутри. Невыносимое непонятное чувство. Запутанность. Бессилие. Уныние. Подавленность. Где начало и где конец? Потерянность. Слабость. Бьюсь о стенки своего разума и не могу вырваться наружу. Все попытки тщетны.

Кто я? Зачем живу? Где ответ на все вопросы? Как привести свою жизнь в порядок, что делать с отчаянием?

Я чужая в этом мире. Мне нужен только смысл. Но где его найти? Вокруг все глупые, все поголовно, поговорить не с кем на такие темы. Книги все перечитаны, все семинары прослушаны, даже музыка уже противна, фильмы пресны. Где же ответы? Такая пустота внутри. Отчаяние. Серое, глухое, безнадёжное, глубокое отчаяние.

Я готова отдать всё за мельчающую крупицу прозрения. Только вокруг всё одно и то же. Ничто не имеет смысла. Я хочу заснуть и никогда больше не просыпаться. Я так устала.

Устала думать. Устала искать. Устала жить. Я на грани. Я в отчаянии, что мне делать?!

Повернула голову и отрешённо глядя в широкое окно, прошептала, – Ваня, если ты меня слышишь, умоляю, подай мне знак. Я так больше не могу. Как же я хочу, чтобы это был лишь сон. Пусть кошмар закончится.

Плавнo опустила веки.

– Привет, малышка, – этот бархатный голос я узнаю из тысячи.

Повернула голову и увидела перед собой такое родное лицо.

– Ваня, этого не может быть? Ты же у...

Мужчина быстро прижал свой палец к моим губам.

– Никогда так не говори. Ты мне сама запрещала говорить о смерти. Так зачем же сейчас нарушает тобой же установленные правила?

Иван убрал руку от моего лица.

– Я так скучала.

– И я, малыш. Иди ко мне.

– Ваня, это и вправду ты?

Мужчина расплылся в нежной, сексуальной улыбке. Боже мой, я уже и не надеялась, что смогу вновь увидеть любимого человека.

– Я люблю тебя, – он в считанные миллисекунды впился в мою шею, затем в губы...

Я едва не потеряла сознание от страсти. Его запах, его

близость и поцелуи дурманили сильнее, чем вино. Он гладил меня по спине через тонкую рубашку, затем резко сорвал её и продолжил медленно целовать меня в шею. Меня закружил безумный водоворот страсти. Разум подсказывал, что это всё моё воспалённое воображение, но сердце и плоть были неумолимы. Отказывалась принимать жестокие реалии жизни.

– Милый мой. Единственный. Умоляю, больше никогда не покидай меня, – где-то далёко-далёко в глубине души понимала, что это всё нереально... Прекрасная сказка. Сон. И что? Пусть так. Тогда я больше не хочу просыпаться, лишь бы Ваня больше не исчезал.

– Люблю тебя. Люблю, моя девочка. Ты лучик света. Только благодаря тебе я смог вернуться. Восстать из пепла. Твоя вера и наша любовь спасли меня.

– Боже, Ванька, – громко простонала я. – Ты живой. Ванечка. Мой любимый, Ванька.

– Да. Твой любимый Ванька.

Он знал, чего я хочу, и как опытный, искушённый любовник, оттягивал удовольствие. Иван неторопливо снял с меня лифчик и стал играть с моими нахально торчащими сосками.

– У тебя роскошная грудь, — шептал он вкрадчивым тоном, что действовало на меня возбуждающе. – Я наслаждаюсь запахом твоей кожи. Ника, как же ты мне нужна. Любимая моя. Ты слаще любой конфетки мира.

Я была готова взорваться от возбуждения.

– Ты такая отзывчивая, – одним быстрым движением руки мой неутолимый любовник сорвал с меня намокшие трусики. – Красивая. Родная. Верная. И только моя.

– Только твоя, – словно заворожённая пробормотала я.

Мне стало просто непосильно терпеть, когда его горячая рука гладила мой живот и опускалась ниже. Его пальцы медленно скользили по моей мокренькой плоти.

– Боже мой. Любимый, – я стонала и ёрзала попкой по кровати, мне хотелось, чтобы он зашёл дальше. – Трахни меня, – я больше не могла терпеть и умоляла его сделать это.

– Завелась, малышка, – блаженно проговорил Иван.

Он перевернул меня на живот и поставил на колени. Ваня не спешил, умышленно продляя мою сладкую экзекуцию.

– Повтори, что ты сказала?

– Трахни меня, – развратно промычала я.

– Нет. Повтори, что ты только моя.

– Ваня, я только твоя, – корчась от желания, неукоснительно выполнила его требование. – Хватит медлить, – почувствовала, как он приставил свой мощный член к моей узенькой, влажной девичьей плоти и слегка надавил, затем грубо вошёл в меня.

Я кричала от наслаждения, словно распутная, падшая девушка и похотливо двигала бёдрами. Он несколько раз шлёпнул меня, и бросив на спину, продолжил.

– Сильнее... ещё... да... ещё сильнее... — я кричала, как в бреду.

Иван нежно покусывал меня в шею, за мочку уха и рывками впивался в губы. Толчки стали чаще, глубже и мощнее, я впилась ногтями в его плечи, но он быстро схватил меня за запястья и прижал мои руки к кровати. Несколько крепких толчков и из меня вырвался один протяжный стон. Моё тело содрогалась в сладчайших конвульсиях. Мы кончили одновременно. Время будто умерло. Мы лежали в постели, молчали и жадно глотали воздух. Воздух звенел, сердца наши ещё стучали в тишине.

– Ты мой сон, – медленно приходя в себя, грустно прошептала я. – Это всё нереально.

– Нет. Я живой. Ника, ты меня только жди...

В считанные секунды распахнула глаза и испуганно повертела головой.

– Ваня. Ваня, – вскочила с кровати и, к своему ужасу, поняла, что это вправду был лишь мой прекрасный сон, которому не суждено сбыться.

Остатки сил неумолимо покидали меня, плавно опустилась на колени и горько заплакала.

– За что? Господи, я тебя спрашиваю, за что? Почему ты заставляешь меня ещё при жизни переживать все эти муки ада?

Подняла заплаканные глаза и наткнулась на край платья, который мама в впопыхах немного прижала дверцей шкафа.

– Никакой свадьбы не будет. Будь проклят этот Бодров.

Не помня себя, до конца, не осознавая свой поступок,

вскочила на ноги и схватив ножницы со стола, словно неуловимый ветер, подлетела к дверце шкафа и распахнув её, вытащила свадебный наряд.

– Будь ты проклят, – истерический крик разлетался по всей комнате, пока я беспощадно и безжалостно уничтожала символ ненависти и зла.

– Ты что делаешь? – почувствовала чьи-то руки на своей талии.

– Пусти, – моментально развернулась и увидела перед собой отца.

– Папа, я так больше не могу.

Отец аккуратно взял острый предмет из моих рук.

– Доченька, пожалуйста, успокойся. Всё хорошо. Я рядом, – он прижал меня к своей груди и нежно провёл ладонью по волосам.

Папино тепло, его сердцебиение немного успокоили меня.

– Это что такое, – но я так и не смогла полностью прийти в себя, истерический крик матери заставил меня вздрогнуть и отстраниться от отца.

– Я тебя спрашиваю, – она схватила разорванное в клочья платье и потрясла им в воздухе. – Вова, она что с ума сошла, – мать перевела озлобленный взгляд на мужа.

– Света, успокойся. Что-нибудь придумаем.

Женщина обессиленно упала на кровать, платье безжизненно выпало из её рук и повалилось на пол.

– Ладно, Ника. Ты победила. У меня нет сил продолжать,

бороться за твоё счастье и счастье твоей сестры, — она угрюмо покосилась на свадебный наряд и довольно грубо оттолкнула его от себя ногами. — Мы упустили свой шанс. Пусть теперь Аня забудь о возможности встать на ноги.

— Он оплатил контракт.

Родители, не сговариваясь, синхронно переглянулись, а потом одновременно перевели на меня свои вопрошательно-обескураженные взоры.

— Да. Бодров полностью оплатил контракт. И расторгнуть его уже не может. Я могу не выходить за него замуж. А деньги мы обязательно ему вернём.

Мама неторопливо поднялась на ноги.

— Как мы сможем вернуть ему такую огромную сумму? Нам за всю жизнь столько не заработать.

— Ника, мы должны вернуть деньги, — опечаленно, но уверенно произнёс отец.

Мама тяжело задышала.

— Да, Вероника. Как же ты низко пала. Не ожидала от тебя такого. Значит, решила кинуть Бодрова. А о последствиях ты подумала? Что этот человек предпримет в ответ?

— Простите меня. Я сама не понимаю, что творю. Я никогда не буду рисковать вами или Аней. Вы полностью правы.

Папа приблизился ко мне и слегка сжав моё плечо, произнёс, — милая моя девочка, это ты нас прости. Мы родители Анны и мы, — он перевёл глаза на мать, — должны были помогать Ане. Ты взвалила на свои хрупкие плечи непосильную

ношу. Брак с нелюбимым человеком хуже каторги.

– В чём теперь ты явишься на свадьбу? – Мама пропустила мимо ушей все фразы отца, не придав им никакого должного значения. – Регистрация в десять. К этому времени ни один свадебный салон ещё не откроется.

– Прекрати, Света. Оденет она обычное светлое летнее платье. У неё их пруд пруди. Разве сейчас это так важно. Иди, лучше воды принеси Веронике, – он грозно указал матери на дверь. – И средство какое-нибудь успокоительное.

Мама фыркнула, но спорить не стала.

– Ника, я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Искушение взять деньги и не выходить замуж колоссальное. Но это невыход. Это тупик.

Разумом понимала, что папа прав. Я слишком хорошо знала бессердечного, жестокого Бодрова, который бы меня и всю мою семью не задумываясь уничтожил, но как быть с сердцем. Были ещё свежи воспоминания, я чувствовала, что Ваня где-то рядом. А может, действительно, другой мир существует и его душа оберегает меня. Но тогда, почему он так настойчиво повторяет, чтобы я его ждала?

– Папа, Ваня жив.

– Что? Ты с чего это взяла? Кто тебе сказал.

– Он.

Неожиданно в комнате раздался громкий шлепок и звук разбившегося стекла отозвался у меня в ушах.

– Света, аккуратнее.

Повернулась к матери и увидела её заледеневшее лицо, на котором красовалась гримаса страха.

— Ника, не говори глупостей. И не пугай меня, — она мгновенно отмерла и быстрым шагом приблизилась ко мне. — Ваня, мёртв. Заруби себе это на носу.

Утрата близкого человека — одно из тех событий, которые разделяют жизнь на «до» и «после». Проходить через такой опыт тяжело, а иногда почти невыносимо. Нам приходится прятать от других свои болезненные переживания, через силу возвращаться к работе, поддерживать контакты с людьми, когда у нас совсем нет желания общаться. Помимо этого мы должны разрешить для себя сложнейшие вопросы, на которые никто кроме нас не знает ответов. Ради чего смотреть в будущее, если самые счастливые моменты уже никогда не повторятся? Какое место в нашей судьбе теперь занимает умерший?

В жизни каждого человека встречаются события, мягко скажем, нерадостные. А именно: когда уходят из жизни близкие люди. Которые были вам дороги, с кем прожита жизнь. Создаётся ощущение, что отняли часть тела и души, образовалась дыра и ничем её не заполнить. Как забыть умершего человека? Этим вопросом, к сожалению, хотя бы раз задавалось большинство из нас. После потери близкого может казаться, что жизнь остановилась. Тем не менее пытаться стереть из памяти тёплые воспоминания, чтобы облегчить боль, — не лучшая стратегия.

– Печаль — это естественная человеческая эмоция, помогающая справиться со смертью. И в данном случае это процесс, требующий времени. Именно чувство горя помогает принять реальность утраты, переработать боль, приспособиться к миру без умершего, отпустить его из мыслей, сохранив связь и приступить к построению новой жизни, — востроженно проговорила мама. – Но, дочка нельзя терять связь с реальностью. Ты должна принять жестокую правду. Иван умер. Ты должна его отпустить.

Озлобленно вырвала руки из под теплых материнских ладоней.

– Отпустить. Забыть, – проревела я. – То есть предать. Предать его память. Правильно тебя поняла?

Забыть ушедшего невозможно, к тому же это ведёт лишь к застреванию на одной из стадий проживания горя. Но есть и другая крайность. Человек после утраты близкого может цепляться за страдание как за возможность удержать связь с умершим, доказать свою любовь к нему. Перестать горевать — значит успокоиться, успокоиться — значит забыть, а забыть — равно предать.

Не отрывая насмешливого взора от Бодрова, крепко держа отца под руку, уверенной походкой, под звуки свадебного марша, направлялась к своему будущему мужу.

Пусть теперь он попрыгает, представляю, что у этого напыщенного, высокомерного человека творится в душе. Если,

конечно, она у него вообще присутствует в теле.

Надменно поводила глазами, с лёгкой издёвкой на ярко накрашенных красной помадой устах, наслаждаясь, как все присутствующие перешёптывались друг с другом.

Вот это фурор. Сенсация года. Невеста явилась в коротеньком, облегающем чёрном платье. Мне бы ещё небольшую чёрную шляпку и вуаль. И я бы точно походила на весёлую вдовушку.

Поравнявшись со своим женихом, невольно ухмыльнулась, наблюдая боковым зрением, как он из последних сил сдерживает прожигающий, раздирающий его сердце приступ ярости.

Мелодичная музыка остановилась, все гости присели на стулья.

– Дорогие жених и невеста! Дорогие гости, – взволнованно проговорила сотрудница ЗАГСА. Видимо, она впервые за свою карьеру видит невесту в траурном наряде. Вернее, даже сказать, в слишком откровенном траурном наряде.

И вновь мои глаза устремились на жениха, который нервно теребил свои запонки, изредка сжимая пальцы в кулаки. Вот так, девочка! Доигралась. Сегодня вместо «сладкой» брачной ночи отправишься в травмпункт. Будешь нос себе вправлять. Мысленно усмехнулась. Вот бы так и произошло. Лучше пусть я проваляюсь в больнице с черепно-мозговой травмой, нежели лягу в одну постель с этим вырождением.

– Мы рады приветствовать вас на официальной церемо-

нии бракосочетания, – никак не успокаивалась достопочтенная сотрудница ЗАГСА. – Дорогие молодые. Любовь — это большое сокровище, дарованное человеку. Ваша жизнь как песочные часы, два хрупких сосуда связанных невидимой нитью времени. Эта нить связала вас, ваши судьбы. А сегодня ваши сердца заключают союз биться рядом неразрывно на всю последующую жизнь.

Не могла больше выносить этого слащавого, розового бреда, приподняла голову и громко провозгласила, – да поняли мы уже. Можно побыстрее.

Женщина посмотрела на Артёма.

– Извините. Продолжайте. Невеста просто очень волнуется, – он максимально прижался ко мне и крепко сжав мою руку, едва уловимо оскалился. – Слушай сюда, сучка, – тихо-тихо, стальным голос обратился ко мне Бодров, – ещё одно твоё слово, и я за себя не отвечаю.

– Перед тем как официально заключить ваш брак я хотела бы услышать, является ли ваше желание свободным, искренним и взаимным, с открытым ли сердцем, по собственному ли желанию и доброй воле вы заключаете брак? – Сотрудница ЗАГСА не слышала угроз жениха, или попросту их игнорировала, иначе бы не задавала таких вопросов.

– Прошу ответить вас жених.

– Да.

– Прошу ответить вас невеста.

Кокетливо провела кончиком языка по красным губам,

вынуждая несчастную женщину ещё сильнее волноваться и испытывать чувство неловкости.

– Отвечай, сука, – прошептал Артём, склонившись над моим ухом.

– Да.

После моего ответа мне показалось, что все гости облегчённо выдохнули. Все гости, а вот жених оставался в напряжении. Мне надо было ещё подписать документы, а вот здесь я могла и взбрыкнуть.

– Прошу вас обменяться кольцами и скрепить узы брака своими подписями.

Артём грубо схватил мою руку и нацепив на палец злополучное кольцо, едва слышно проговорил, – зараза, я тебя убью. В один день приобрету жену и потеряю. Сейчас как никогда хочу овдоветь.

Своё кольцо он мне не доверил надевать на палец, сам нацепил.

Подойдя к столику, взял ручку и поставил свою подпись.

– Иди, – встав рядом со мной, скомандовал он.

– Тёма, ещё не поздно. Пожалуйста, давай не будем совершать непростительную ошибку.

Он глубоко вздохнул.

– Если ты сейчас же не поставишь свою еб...ю подпись, то я совершу непростительную, уголовно наказуемую ошибку. Сверну тебе шею словно курице. Быстро пошла, – Бодров властно схватил мою руку и буквально потащил к столу.

Мгновенно схватила ручку и одним «росчерком пера» стала женой Бодрова.

– А теперь жених может поцеловать невесту.

Бодров повернулся ко мне.

– Я тебя, когда ни будь точно прибую. Или ты меня.

Я даже не успела произнести ни единой враждебной фразы, как его горячие, жадные губы настигли мои уста. Бодров целовал меня грубо, жёстко, мят кожу, заставлял подчиняться каждому движению, показывая свою силу, демонстрируя власть.

Гости поднялись со своих мест и на специально оборудованной поляне, для выездной свадебной церемонии раздались оглушительные аплодисменты.

– Не отходи от меня ни на шаг, – скомандовал Бодров, отрываясь от моих истерзанных губ.

Изобразила на лице полное смирение и покаяние.

– Вот же сучка, – прорычал мужчина, крепче сжимая мою ладонь. – Ну ничего. Ты мне за всё ответишь.

Присаживаясь за стол, игриво похлопала густыми, длинными ресничками и высокомерно обвела взглядом присутствующих гостей.

– Ты хоть бы родителей пожалела.

Мгновенно перевела глаза на отца и мать, которые с угрюмыми лицами сидели за столом, отчаянно выдавливая из себя улыбку счастья.

– Не надо мне указывать, что делать. Со своими родите-

лями я сама разберусь. Без тебя справлюсь.

Вновь с сожалением покосилась на отца и мать, затем глубоко вздохнула и яростно метнула свой взор в сторону ненавистного мужчины. Смело смотрела в разгневанное лицо Бодрова, его глаза полыхали дьявольским огнём, искры разлетались в разные стороны, хотелось сбежать, спрятаться...

– Ты мне за всё ответишь, Вероника, – негромко прошипел Артём и опустил руку на моё колено, его ногти довольно болезненно впились в мою нежную кожу. Чувствовала себя смелой и в то же время глупой маленькой птичкой в лапах кровожадного коршуна. – Я хотел по-хорошему. Б...ь, чего только для тебя не делал, но, видимо, доброго обращения ты не понимаешь.

Резко перехватила его пальцы, когда рука наглым образом начала ползти вверх.

– У нас с тобой разные понятия о добре и зле. Ты знал, что я не хочу выходить замуж. И тем не менее принудил меня. Заставил, – быстро осмотрелась по сторонам, не хотела, чтобы наш интимный разговор услышали посторонние люди. – Ещё весь этот маскарад устроил. Я не собираюсь быть ряжей куклой. Извини, муженёк, но исполнять твои прихоти я не стану. Не устраивает. Разводись.

– Сука, – он мгновенно вырвал свою руку из-под моей ладони, – ты станешь выполнять все мои прихоти. И начнёшь буквально через пару часов. А если не закроешь рот, то я

приступлю гораздо раньше. Скажем так, – его похотливых губ коснулась улыбка Люцифера, – трахну в машине под аплодисменты охранников. Как тебе прилюдный, жёсткий, грубый секс? Тебе же нравится меня провоцировать. Правда?

Была уверена, что Бодров не выполнит свои угрозы в жизни, но проверять своё убеждение мне не хотелось. Сейчас он был слишком озлоблен и возможно, что мог пойти на определённые действия.

– Что-то ты притихла?

Бодров преподнёс бокал с шампанским к своим губам.

В эту секунду меня озарила спасительная мысль, в сердце зародилась надежда, что может он напьётся в стельку и, хотя бы сегодня не будет домогаться меня.

– Даже не надейся, с бокала шампанского я точно сильно не опьянению. Супружеский долг исполню по высшему качеству.

Вот же чёртот телепат. Реально, что ли мысли читает. Хотя на моей физиономии наверняка всё и без телепатии неплохо считывается.

– Ты сам виноват.

– Конечно. Я купил тебе дорогое фирменное платье. Целую неделю таскался по магазинам, хотел, чтобы ты стала самой настоящей королевой. Поразила всех своей красотой, природной утончённостью, – он презрительно осмотрел меня, – а ты вырядилась как последняя б...ь. Действительно, поразила всех. Убила наповал. Дрянь.

С недоверием на лице покачала головой.

– Ты сам выбирал мне платье?

– Сам, – Бодров медленно повернул голову. – Представь себе.

– Зачем? У тебя целая куча помощников, – не могла поверить словам Артёма. Он занятой человек, у него каждая секунда расписана. Зачем так бездарно тратить столь драгоценное и невозполнимое время.

Бодров с озадаченным выражением лица провёл рукой по аристократическому подбородку.

– Ника, лишний раз убеждаюсь, что я открытый циник, ты же латентная лицемерка. Зачем спрашивать, если ответы очевидны.

Мой новоиспечённый супруг отвернулся от меня.

– Я хотел тебя порадовать, – спустя пару секунд он всё же удосужился ответить на мои глупые вопросы. – Мне было приятно выбирать для тебя платье. Я представлял, какая ты будешь очаровательная невеста.

– Тёма, никакое платье, никакие деньги не смогут исправить наши отношения. Пойми, что с помощью силы, шантажа ты любви от меня не добьёшься.

Бодров гневно хныкнул.

– Ника, что тебе вообще известно о насилии и принуждении?

– Раньше, ничего. Сейчас благодаря тебе я стала знатоком. Артём нервно постучал пальцами по краю стола.

– Ну раз я садист и насильник. Хорошо. Не буду разочаровать свою любимую жёнушку.

– А ещё подлец. Лицемер. И циник.

Резко схватил бокал с шампанским и сделал пару глотков.

– Согласен. Не отрицаю. Лицемер. Циник. Но почему подлец?

От его неожиданного вопроса я чуть не поперхнулась, быстро откашлявшись, пожала плечами и пробормотала, – потому что ты негодяй, который отличается безнравственным поведением.

– И что такого безнравственного я совершил? Ника, я тебя в жёны взял. Фамилию свою дал, а мог бы поступить гораздо хуже. Воспользовался бы тобой, а потом выкинул за ненадобностью.

– Спасибо, – приложила руку к сердцу и немного наклонилась вперёд, – для меня великая честь стать женой самого Бодрова Артёма Владимировича.

Больше не собиралась выслушивать речи супруга, мгновенно вскочила из-за стола и ухмыльнувшись, добавила, – я так счастлива, что буквально описываюсь от разрывающей меня радости.

Благодарила бога, что Бодров не предпринял никаких попыток остановить меня и спокойно отпустил в туалет, а видь, мог и охрану со мной отправить. Да, после сегодняшнего моего феерического появления он с меня больше глаз не спустит. Вот теперь я уже жалела о своём необдуманном, спон-

танном поступке.

Забежав в небольшое помещение, я сразу же подлетела к раковине и набрав немного холодной воды в ладони бережно провела по полыхающим щекам. Под огромной толщей штукатурки никому не было видно, что всё моё лицо стало похоже на одно большое багряное пятно. Я ощущала жар. У меня горело не только лицо, сама душа полыхала, металась, отчаянно надеясь спастись.

– Ну ты даёшь.

Повернулась и увидела Лизу, девушка стояла на улице и придерживая дверь, не особо торопилась заходить в помещение. Конечно, она была увлечена тем, что пристально рассматривала мой наряд. Платье, которое еле-еле прикрывает филейную часть и грудь. Слава богу, грудь у меня не очень большая, поэтому в этом наряде декольте не выглядит слишком вульгарным, чего не скажешь о полностью оголённых ногах.

– Удивила так удивила, – она всё-таки соизволила зайти. – Вот тебе и невинная девочка. Такое откровенное платье не каждая проститутка на трассе может себе позволить.

– Не знаю. Тебе виднее. Ты с ними чаще общаешься. Твой контингент, – отвернулась от незваного гостя, который как говорится хуже татарина.

Так хотела хоть пару минут побыть в одиночестве, но Елизавета явного намёка не поняла, она продолжала пытливно исследовать меня.

– Слушай, тебе что от меня надо? – Ухватилась за края раковины и, гневно сверкая глазами, посмотрела в зеркало, в котором кроме меня отражалась и вульгарная особа. Она, кстати говоря, от меня недалеко ушла. Её наряд тоже был далеко не ангельский, но всё-таки так откровенно её прелести не демонстрировал.

– Ника, ваша семейная жизнь закончится гибелью одного из вас. Ты и Артём очень сильные, темпераментные личности.

Снисходительно усмехнулась и повернувшись к девушке, прижавшись филейной частью к холодному металлу, ехидно констатировала, – Лиза, ты «первоклассный психолог». Только вот я в тебе не нуждаюсь. Спасибо. Можешь быть свободна.

– Ошибаешься. Ещё как нуждаешься, – она постепенно начала приближаться ко мне. – Ника, я могу помочь тебе сбежать. Пойдём со мной. У меня всё готово. Уедешь из страны, мои адвокаты помогут тебе составить заявления о разводе и будут представлять твои интересы. Тебе даже возвращаться не придётся.

Угрюмо опустила веки, – спасибо! Но я заключила сделку с Бодровым и предавать его не собираюсь. Можешь, что угодно про меня думать, но до подлости я не опускаюсь.

Нахальная улыбка застыла на губах Лизы.

– Значит, как предавать нищего парня, так это запросто, – силиконовая кукла взмахнула руками, – а как дело касается

богатого мужика, так сразу нет. Очень удобная позиция.

– Лиза, тебе меня не понять. Я смирилась с гибелью Ивана. Если бы он был жив, я бы ни за что не вышла замуж за Бодрова. Даже ради сестры. А сейчас мне нечего терять.

Женщина заинтриговано округлила свои ярко накрашенные глаза.

– А если он жив?

– Нет. Ваня не мог выжить после такого масштабного обстрела. Погибли все, кто находился в помещении штаба. Мне его мама сказала, она врать не будет.

Лиза недовольно фыркнула и слегка ударила себя по лбу, – вот же я дура.

– Я тебе это всегда говорю, а ты обижаешься, – не удержалась и съязвила.

– Очень смешно. Слушай, Сёма может раздобыть сведения о твоём суженном, ряженном. Точно. У него неплохие связи в военном министерстве.

И вновь надежда закралась в моё сердце.

– Правда?

– Правда, – ехидно подтвердела она. – Может, он всё-таки выжил, и я смогу наконец-то избавиться от тебя раз и навсегда.

– Лиза, даже не сомневайся. Если Иван жив, то я ни секунды не останусь рядом с Бодровым.

Девушка обречённо приподняла глаза.

– Какая же ты наивная, – простонала она и, опустив глаза,

с какой-то необъяснимой теплотой посмотрела на меня. – Но честная. Как ты можешь грезить о другом мужчине, когда рядом с тобой Артём. Не понимаю!

Она широко развела руками, искренне удивляясь моему поведению.

– Лиза, уверяю тебя, что если бы ты познакомилась с Иваном, то твой вопрос, – спокойно приподняла и опустила плечи, – отпал бы сам собой. Он прекрасный человек. И дело не только во внешности. Таких благородных, верных, добрых и щедрых мужчин я никогда не встречала.

Угнетённо опустила глаза.

– И, по всей видимости, никогда не встречу.

– Благородный, добрый мужчина, – неободрительно, с лёгкой иронией простонала Лиза. – Таких не существует. Сильные мужики всегда властные, независимые и уж тем более верностью не отличаются. Такова их кобелиная порода.

Робко улыбнулась, – существуют. И Иван живой пример моим словам.

Боль резанула моё сердце.

– Или был живым примером.

Глава 6. Вероника

Обречённо обвела взглядом комнату, помещение правильной формы, светлое излучающее покой и благодать. Белая мебель в сочетании с позолотой и пастельными тонами обивки придавала особый шарм.

– Что не нравится? – прошептал Бодров и слегка подтолкнул в спальную комнату.

– Не нравится. Компания не нравится.

– Ну извини, любимая, другой компании у тебя не будет, – его грубые пальцы оказались на моих щеках и немного сжав мою кожу, крепко фиксируя лицо, вынуждая прямо смотреть в его бездонные, голубые очи, мужчина самодовольно ухмыльнулся, явно наслаждаясь своим превосходством, предвкушая скорое наслаждение, удовлетворение.

Сегодня он точно отыграется на мне, отомстит и жестоко накажет за неповиновение.

– Боишься. Такова женская порода сначала хорохоритесь, строите из себя смелых, решительных, а как только с вас начинают спрашивать сразу в кусты. Правда, зайчик?

Не смогла больше выносить плотоядного, похотливого мужского взора, невольно опустила глаза.

– Не бойся. Бить я тебя не собираюсь. Наоборот, хочу любить. Ласкать, даже несмотря на все твои тупоголовые выходы, за которые, конечно, следовало тебя как следует на-

казать. Но я проявляю милосердие. Как ты и просила.

Едва слышно облегчённо выдохнула, когда Бодров убрал руку с моего лица и вальяжной, грациозной походкой направился к столику, на котором стояла открытая бутылка с игристым вином и пару фужеров, украшенных белыми ленточками.

– Вот что ты за баба такая, – он быстро наполнил бокалы и вновь приблизился ко мне. – Ника, вроде неглупая девчонка. Взрослая. А иной раз ведёшь хуже подростка. Чего ты хотела добиться. Зачем все эти провокации? Игры в жертву.

Судя по вполне спокойному тону Бодров всё-таки немного охладил свой пыл.

– Зачем было снимать целый номер в гостинице? Могли бы провести первую брачную ночь в твоём доме, – не хотела отвечать на его каверзные вопросы, поэтому просто свернула с пути и перешла на менее взрывоопасную дорожку. – Номер огромных денег стоит. Я знаю этот отель, он один из самых дорогих в городе.

Бодров улыбнулся и протянул мне бокал.

– Во-первых, в нашем доме. Не забывай ты теперь моя жена и всё, что принадлежит мне, также принадлежит тебе, включая моё сердце, – мой муж немного вытянул губы и послал мне воздушный поцелуй.

Нервно сглотнула и ехидно поморщилась, показывая, как я отношусь к его имуществу и сердцу в придачу.

– А во-вторых, Вероника, привыкай к богатой, благопо-

лучной жизни. Ты теперь моя жена и у тебя должно быть всё самое лучшее, – Артём преподнёс бокал к губам, но не торопился осушить ёмкость, он внимательно наблюдал за мной, ожидая ответных действий.

Демонстративно подняла фужер и поставила его на близстоящий комод.

– Сука. Ну что мне с тобой делать, – и вновь голос мужчины звучал достаточно умиротворённо, но интуиция подсказывала, что он начинает закипать. Его голос может быть обманчиво-спокойным, но вот яростные, пламенные глаза, которые выдают его хищную натуру, всегда подсказывают мне, когда Бодров злится.

– Я тебя не люблю. Я тебя об этом неоднократно предупреждала. Что теперь ты от меня хочешь? Какие ко мне претензии? Мы недоговаривались с тобой, что я буду обязана перед тобой на цыпочках ходить. Сам захотел жениться, терпи теперь.

Твёрдо отчеканила каждое слово, особо не задумывалась и не подбирала выражение, сейчас за меня говорило сердце. Душа кричала. Мне было больно, чувствовала себя униженной, оскорблённой, падшей женщиной. Даже если Иван действительно погиб и так уж сложилось, что я осталась жива, то, вполне возможно, допустимо, что спустя какое-то время у меня могли развиваться отношения. Вероятно, я бы захотела построить семью, но я выскочила замуж через месяц после того, как узнала о его смерти. Да у меня есть оправ-

дание, но какова его ценна и имеет ли оно значение, когда предаёшь любимого человека. Можно ли вообще оправдать предательство или уж тем более его простить.

– Б...ь. Хорошо. Тогда скидывай с себя весь этот наряд шлюхи, ложись в кровать и раздвигай свои длинные ножки. Буду использовать тебя по прямому назначению.

Бодров со свирепым выражением лица, поставил фужер рядом с моим и быстрым движением пальцев расстегнул пиджак, который моментально скинул на пол, а затем также безжалостно избавился от галстука.

Машинально опустилась на самый край кровати и сильно сжав ноги, плотно прижав колени друг к другу, холодно ответила, – тебе надо ты и раздевайся. Я ничего делать не собираюсь.

– Ника, быстро скинула с себя весь этот б...й наряд и раздвинула ноги.

Робко повертела головой.

– Дрянь, – Бодров сел рядом со мной и бесцеремонно, похозяйски стал разжимать мои ноги. – Я хотел по-хорошему. Желал доставить тебе удовольствие. Вознести на вершушку блаженства. Но ты сама выбрала путь боли.

– Я не хочу боли, – честно призналась я, когда его рука скользнула выше и его похотливые, целеустремлённые, горячие пальцы прикоснулись к трусикам.

– А чего ты хочешь? Любви. Нежности. Ласки.

– Я тебя не люблю, – сорвалась на крик. – Ты меня при-

нуждаешь. Заставляешь. Ненавижу тебя.

– Ну и хорошо. Ненависть разжигает страсть, – свободной рукой Бодров мгновенно надавил мне на плечо и заставляя опуститься. – Это чувство подогревает интерес. Усиливает желание.

Как только я оказалась на спине, без лишних прелюдий и предварительных ласк мой «благоверный» задрал мне платье высоко на живот, стремительно ухватился руками за нижнее бельё и в считанные секунды стянул трусы.

Замерла. Постаралась расслабиться. В конце концов, ни я первая ни я последняя. Это просто секс.

– Малышка, а ты действительно садомазохистка, – его пальцы прикоснулись к обнажённой плоти, которая источала пусть не обильные, но всё-таки выделения. – Ника, плохая девочка. Любишь, когда проявляют грубость, – он жадно пробежался глазами по моему телу, а затем торопливо растегнул молнию на ширинке и рывком спустил с себя брюки и трусы до колен.

Бодров стал медленно склоняться ко мне.

– Всё должно было быть по-другому.

– Ты приобрёл моё тело. Пользуйся, ни на что больше даже не надейся. Ты мне против.

Лгала, мне было скорее некомфортно, чувства, которые пробуждались где-то глубоко внутри, вызывали страх. Я призираю себя, своё похотливое тело, которое так предательски реагирует на ласки нелюбимого мужчины.

– Твой выбор. Посмотрим, как ты и дальше будешь изображать из себя хладнокровную тварь.

Резким толчком Бодров ворвался в моё не совсем подготовленное тело.

От внезапной боли непроизвольно закатила глаза и закусила губа, стараясь не закричать.

– Сука. Дрянь. Но какая же ты всё-таки тварь, – хрипел возбуждённым голосом супруг.

Боль постепенно отступала. Приятный нарастающий зуд молниеносно, против моей воли, распространился по предательскому, греховному телу. Я даже не поняла, когда мой разум полностью отключился и я перестала контролировать своё взбунтовавшееся тело. Я стала более уверенно отвечать на яростные, обжигающие, животрепещущие мужские толчки.

– Боже, – не смогла проконтролировать себя и мой крик сорвался с губ.

Возбуждение нарастало, я стала против желания разума и сердца, лишь по прихоти тела, испытывать истинное физическое наслаждение.

– Обманщица. Лгунья. Я тебе вовсе не противен, – словно в бреду, простонал Бодров и усилил и без того бешеный темп.

Напрягаюсь телом....

Ещё сильнее. Чувствую, как неумолимо приближается оргазм. Учащённо дышу, мне не хватает воздуха, мешает абсо-

лютно всё, скомканное платье выше живота, лифчик на груди, меня разрывает изнутри на тысячу маленьких осколков.

– Ты прекрасна.

– Пошёл к чёрту, – инстинктивно обхватываю мужчину руками за спину и ощущаю, как по животу проноситься волна первой сладострастной судороги.

Вновь не удержалась и громко вскрикнула, словно по инерции, интенсивно заёрзала обнажённой филейной частью по кровати. От блаженства моё сознание сладко помутилось, я словно воспарила и улетела на райские небеса.

Широко распахнула глаза и, вглядываясь затуманенным взором в мужское лицо, на пару секунд увидела перед собой Ивана, широкая улыбка заблестела на моих губах.

– Если ты так стонешь, когда тебя еб.т противный мужик, то боюсь представить, как ты себя ведёшь, когда трахает любимый.

Ненавистный голос Бодрова мгновенно спустил меня с небес на землю.

– Молодец, – он вскочил с кровати и натянув на себя трусы и брюки, победоносно сверкнул белоснежными зубами. – Отличный товар приобрёл. Не прогадал. Ты стоишь тех денег, что я за тебя отдал.

Пока этот урод с наслаждением упивался моим бессилием, я быстро поправила платье и, последовав его примеру, вскочила на ноги.

– Ты куда?

– В душ, – даже не оборачиваясь, прокричала я.
Бодров незамедлительно перегородил мне дорогу.

– Ты как? Всё нормально?

– Нормально. Дай пройти.

Артём недовольно покачал головой.

– Ты сама виновата. Прояви хоть немного смирения. Посмотри, как твоё тело реагирует на меня. Ника, даже ненавидя и призирая меня, ты испытала оргазм.

– И что? – не собиралась ничего отрицать, да и глупо было отнекиваться, он и так всё прекрасно видел. – Я вместо тебя его вижу, понимаешь ты или нет? Занимаюсь сексом с тобой, а представляю Ивана. Я не специально. Думаешь мне нравится жить с огромной дырой в сердце. Не проходящей боль, с...

Не успела договорить, Артём быстро схватил меня за талию и притянул к себе.

– Ника, ты слишком честная. Могла бы обмануть. Подыграть. Но нет.

– Что мне делать?

– Жить, – он нежно провёл рукой по моим волосам. – Я готов разделить твою боль. Проявлю чуточку больше терпения и понимая. Дам время привыкнуть ко мне.

Глава 6.1 Артём

Двигаясь тихо, словно ленивый кот после вкусного ужина, аккуратно приоткрыл дверцу душевой кабинки и заворожённо осмотрел мокрое, сексуальное тело Вероники.

Яркая вспышка блеснула перед глазами, заворожённо смотрел на сексуальное тело...

Страсть... Похоть... Вожделение... Или это настоящая любовь!

На ранних этапах романтических отношений многие люди путают эти понятия, что совершенно нормально. Человеческие существа вообще довольно легко привязываются друг к другу. Но страсть, к сожалению, имеет свойство со временем исчезать, оставляя вас опустошённым посреди дороги. Любовь же даёт нечто большее, наполняя радостью и желанием жить каждый следующий день.

Любовь можно перепутать с другими чувствами...

Одно из этих чувств - похоть. Она часто принимается за любовь с первого взгляда, и заставляет нас чувствовать внезапное и интенсивное влечение к человеку, которого мы, возможно, едва знаем. Основное отличие похоти от любви это возникновение физического влечения на ранней стадии отношений.
Другое чувство, которое мы можем принять за любовь, это просто одержимость. Обычно люди считают, что они на самом деле влюблены, если все время ду-

мают об одном и том же человеке. Одержимость похожа на похоть, но она более разрушительна и вводит в заблуждение. Чем больше человек вкладывает усилий, тем сильнее становится это навязчивое состояние. Любовь, в отличие от одержимости, помогает людям развиваться, воспитывает их, но ничего не разрушает. Наконец, третье чувство, скрывающееся за маской любви, это желание поскорей забыть прежние отношения. После расставания с прежним партнером, мы чувствуем себя одиноко, пропадает чувство защищенности, возникает страх, и мы стремимся снова обрести покой и любовь. И это желание заставляет нас уверять самих себя, что мы любим кого-то, кто просто находится рядом с нами в этот момент. В таком случае нам нужно помнить, что если мы не можем избавиться от прежних воспоминаний, если прежние отношения не дают себя забыть, несмотря на то, что начались новые, то лучше взять тайм-аут и более трезво оценить, любим ли мы на самом деле, или просто хотим любви....

Что же происходит со мной... Люблю ли я Веронику или просто одержим ей!

Медленно-медленно приподнял глаза и более сосредоточенно обвёл взор искушающее, дьявольски-соблазнительное и манящее тело!

Она стояла под яростными струями воды, и по её обнажённому телу стекали остатки мыльной пены.

– Ты что здесь делаешь? – Прокричала супругу и стеснительно покраснев, попыталась прикрыть руками свои осле-

питательные женские достоинства.

Плавной походкой, абсолютно голый, сделал шаг вперёд и оказался так же, как и она под нежными, мягкими водяными потоками.

– Ты зачем пришёл? – Услышал её надрывистое, тихое дыхание. – Я хочу побыть одна. Не понимаю, какого чёрта приперся. Я думала, ты уже получил что хотел.

Она злобно сверкнула огромными глазками и вновь повторила свой вопрос, – зачем ты пришёл?

– Любить тебя, – нежно шепнул сварливой, недовольной супруге на ушко.

– Зачем ты это делаешь? Не надо.

Ласково поцеловав её щёку и ощутил губами такую горячую, приятную кожу.

Я хотел подарить этой своенравной, непокорной девочки свою любовь. Заставить стонать от удовольствия и раз и навсегда вырвать ненавистного Ивана из её хрупкого сердечка. Теперь она должна жить только ради меня. Ника не должна даже мысли допускать, что когда-то сможет покинуть меня. Но действовать нужно было не с помощью угроз и силы, я был обязан нежностью, любовь и терпением покорить её крепость.

Она отчаянно пыталась сопротивляться, но я чувствовал, как напрягались её мышцы, у меня сносило «крышу», кровь самопроизвольно прилиwała к возбуждённому, слегка подрагивающему члену.

– Доверься мне. Мы не делаем ничего плохого. Наслаждение – это часть жизни. Не стоит постоянно себя мучить понапрасну. Я научу тебя жить в своё удовольствие. Наплюю на осуждения и косые взгляды. Живи для себя. Для меня и Стефании.

Я бережно обнял немного расслабившуюся Веронику за спину и аккуратно прижал к себе.

– Малышка, в тебе столько страсти и огня. Не растрочивай его. Попробуй стать счастливой. Не отказывайся от маленьких радостей жизни.

С губ Ники сорвался лёгкий стон. Она робко перенесла свои руки на мою широкую спину.

– Я постараюсь стать счастливой. Но, Артём, это так сложно. Я не могу унять эту боль. Она разрывает меня. Гложет. Убивает.

– Знаю, – немного отстранился от девушки и, положив ладонь на её грудь, почувствовал, как учащённо бьётся её беспокойное сердце. – Я рядом. Верь мне, – мгновенно переместил ладони на её аппетитную, подтянутую попку и сильно сжал упругие ягодичы.

Вероника вздрогнула и машинально ещё плотнее прижалась к моему телу.

– Ника ты такая, – хрипло простонал я.

– Какая?

– Чувственная и нежная. Самая любимая. Настоящая. В тебе нет ни доли фальши, – коснулся её маленькой груди, и

слегка помассировал её.

Она посмотрела в мои глаза и мило улыбнулась.

– Повернись к стенке.

Ника опустила глаза и неторопливо выполнила мою мягкую просьбу.

– Обопрись на неё руками.

И вновь она беспрекословно выполнила моё указание.

Подошёл к ней сзади и положив руки на её стройные ножки, слегка раздвинул их и нежно прикоснулся к влажной женской плоти.

Больше не мог себя сдерживать, когда с её губ сорвался соблазнительный стон, я моментально вошёл в неё.

– Ах! – Громко воскликнула Вероника и выгнула спину.

– Сладкая! – Простонал я в ответ на её крики и начал медленно двигать бёдрами, то выходя, то, снова входя в неё.

Приучал девушку к себе, учил наслаждаться и получать истинное удовольствие. Вот так мелкими шажками мы ломали стену недоверия между нами. И я, и она учились по-новому смотреть на жизнь.

Каждым своим движением я умело провоцировал ответную реакцию: массировал её груди, целовал шею, её нежные, ароматные, розовые губы. Её тело было расслабленно и полностью подчинилось моим нежным, ласковым рукам.

Вероника прерывисто дышала и вздрагивала каждый раз, когда я касался тёплыми губами её возбуждённых сосочков и посасывал их, вода мокрым языком по окружности.

Я внимательно наблюдал за её реакцией, изучал эрогенные зоны. Девочка воспламенялась как большой костёр во время дуновения ветерка. Внутреннее отказывалась принимать меня, сердце сопротивлялось, но вот тело полностью покорилося мне и безвозвратно попало в мой страстный плен. Она обязательно стань моей не только телом, но и душой. Мне только необходимо избавиться от этого назойливого Ивана, но ничего, даст бог, и этот парень перестанет мучиться. В конце концов, я избавлю его от мирской суеты, зачем ему такая жизнь, где он будет прибывать лишь в качестве калеки.

– Тебе хорошо?

– Да, – сбивчиво призналась девушка. – Очень хорошо.

Вытащил член из девушки и развернув её к себе лицом, прошептал, – а будет ещё лучше. Прекрати сопротивляться и позволь мне сделать тебя счастливой. Не надо ждать того, кто никогда к тебе не вернётся.

Не позволил девушке мне ответить, вновь плавно вошёл в её горячее тело, вынуждая стонать от удовольствия.

Почувствовал, как жидкость неконтролируемо начала приливать к члену, обхватил руками её попку и увеличил темп движений.

Вероника громко простонала.

Я поцеловал её плечо и ласково произнёс, – люблю тебя, Ника. Очень люблю.

Сейчас я ждал от неё ответа, но она промолчала. Девушка

даже не подарила мне маленькую надежду, что она когда-нибудь искренне ответ взаимностью на мои чувства.

– Дай мне время, – не отрывая взгляда, она смотрела в мои глаза, я не видел в них даже искры любви, но вот желания, страсти, возбуждения было даже в избытке.

– Я дам тебе время, – распахнул дверцу и, покинув душевую кабинку, снял с крючка халат и махровое полотенце.

Вероника неспешно последовала за мной.

Халат одел на себя, а махровым полотенцем заботливо укатал супругу.

– Я дам тебе столько времени, сколько тебе понадобится, – обняв её, понёс Веронику в спальню. – Нас ждёт долгая, счастливая жизнь.

Положив свою драгоценную девочку на кровать, быстро пристроился рядом и поцеловал её в лоб.

– Артём, ты правда считаешь, что мы можем стать счастливыми?

– Конечно! Безусловно! Бесспорно! – Ни на миг не задумываясь, ответил я.

Ника немного приподнялась и, облокотившись на локоть, пронзительно посмотрела на меня.

– А если нет? Что если я так и не смогу позабыть Ивана.

Гневно приподнял брови, не мог уже больше слышать имя этого пресловутого, недобитого вояки. Но холодный разум подсказывал, что не должен я давать волю своим яростным, лютым эмоциям и подавив огненное желание, нежно улыб-

нулся девушке.

– Бывает так, что любовь причиняет нам боль. Это состояние напоминает глубокий порез: рано или поздно боль притупится, рана заживёт. И останется лишь шрам.

Аккуратно коснулся кончиком пальца сосредоточенного лица Вероники.

– Любовь не выбирают, любимых не винят, судьбу не повторяют, забытым не звонят, – утвердительно заявил. – От любых шрамов можно избавиться.

Ника улыбнулась.

– Кто любит, тот с гордостью носит свои шрамы. Я не хочу от них избавляться или удалять, они всегда мне будут напоминать о любимом человеке. Прости, но Ваня жил и будет жить в моём сердце.

Злобно закатил глаза, из последних сил пытался, отчаянно сдерживался, но эта неугомонная девчонка сама провоцировала во мне приступ гнева.

– Что-то я не заметил, чтобы у тебя сердце сильно болело, когда я пару минут назад трахал тебя.

Ника злобно оскалилась.

Сама виновата. Не хотел обижать её или в чём-то укорять, но сколько можно было издеваться надо мной. Я что железный? Б...ь, ни один мужик не сможет спокойно терпеть, молчаливо выслушивая бредни любимой женщины о другом мужчине.

– Это лишь физическая потребность. Не ты так другой

мужчина доставил бы мне такое же удовольствие. Это лишь банальный секс. Без любви.

– А с Иваном была любовь?

– Да. Была и остаётся.

Словно ошпаренный вскочил с кровати.

– Ника, ты просто романтичная дура. У тебя в голове розовые мечты, которым не суждено сбыться. Любовь слишком непонятное чувство. Вот кто тебе сказал, что ты любишь Ивана больше чем меня? Неужели он был лучше меня в сексе?

Никогда не опускался до такого, чтобы интересоваться у женщины, каков я в постели. Просто знал, что я бесподобен и меня не с кем нельзя сравнить.

– Артём, любовь – это не только банальный, дикий, животный секс, – яростно прокричала она. – Любовь возникает, когда двое начинают делиться сокровенными мыслями, запретными тайнами. Всё остальное — не любовь, а простое трение кожи о кожу, мимолётное наслаждение, после которого чувствуешь себя опустошённой, будто в твой дом ворвались грабители.

– Так ты опустошена?

Высокомерно рассмеялся её глупым, бредовым бредням. Нет, она всё-таки была и остаётся маленькой, наивной девочкой, которая даже не представляет, в каком мире существует.

Ника грустно ухмыльнулась и отвернулась от меня.

– Милая, твой любимый умер.

– Умер, – она даже не стала возражать. – Но моя любовь к нему жива и непоколебима.

А вот здесь ты глубоко заблуждаешься моя любимая, наивная, несмышлёная девочка. Посмотрим, как долго проживёт твоя пресловутая, непоколебимая любовь.

Глава 7. Вероника

Карина Аркадьевна с мрачным видом опустила глаза и внимательно прочитала моё заявление.

– Это что шутка?

Женщина моментально подняла глаза и, схватив листок бумаги, словно ошпаренная подскочила со своего кресла и полетела ко мне.

– Этого не может быть. Бред. Глупости.

Не ожидала такой реакции со стороны моего руководителя. Была убеждена, что она обрадуется тому, что я решила покинуть комплекс. Наши отношения и ранее не были идеальными, а после последнего разговора окончательно испортились.

Ошарашенно смотрела на женщину и даже не знала, что говорить. Была убеждена, что она будет «до потолка прыгать». А здесь такое?

– Нет. Это не шутка, Карина Аркадьевна. Я действительно приняла решения уйти из комплекса. Хочу получить высшее образование. Уже даже подобрала институт с социально-гуманитарным уклоном. Буду профессиональным тренером и немного психологом, – сдержанно и тактично пояснила, продолжая сосредоточенно рассматривать руководителя, поражаясь столь неадекватной реакции.

Женщина с негодующим взглядом отвела глаза.

Понимала, что, несмотря на всю боль, жизненные трудности, которые сейчас мне кажутся непреодолимыми, я должна продолжать бороться. Как истинный спортсмен я не привыкла сдаваться... Сейчас моя жизнь стала похожа на бег с препятствиями, пока я отстаю, терплю неудачи, но даже несмотря на мои громкие провалы, у меня ещё есть шанс победить. Главное — не сдаваться! Обязана встать и идти дальше. Известно же, что жизнь бьёт только сильных, потому что сильный всегда встанет...

– Я думала, что ты на факультет журналистики пойдёшь? Ты же вроде хотела стать журналистом?

С сожалением улыбнулась. Хотела. Желала вывести спорт на новый уровень, более доступный обывателям. Создать специальный контент. Общаться со спортсменами, которые смогли завоевать олимпийские награды и с теми, кому в жизни повезло меньше... Показать мир-спорта изнутри, раскрыть спортсменов, которые вовсе не железные люди, которые ради победы готовы пойти на что угодно, продемонстрировать, что спортсмен - такой же человек, как и все, и в то же время уникален... Мы не звёзды, привыкшие пиариться на каждом шагу, мы люди, которые привыкли всю жизнь кровью и потом добиваться побед, тщательно охраняя свою жизнь от посторонних глаз... Хотела приоткрыть завесу спортивных тайн, но сейчас я должна была распрощаться со своими желаниями. Профессия журналиста требует слишком много сил, энергии. А я, будучи женой Бодро-

ва, попросту не смогу днями и ночами пропадать в институте, а затем на работе. Понимала, что властный, деспотичный муж не позволит мне подобного поведения.

Сердце болезненно сжалось. Осознавала, что совершаю роковой шаг, но выхода у меня не было. Ради сестры обязана принести себя в жертву.

– Хотела. Но передумала. Жизнь, Карина Аркадьевна, слишком поменялась, – сухо и лаконично поведала, особо не вдаваясь в подробности.

Да и зачем Карине Аркадьевне лишняя информация. Мои проблемы, это только мои проблемы.

– Понятно? Но знаешь, благодаря твоему Бодрову не только у тебя жизнь поменялась.

Озадаченно поморщила лоб и, немного наклонив голову, сосредоточенно посмотрела на Новикову.

– Что произошло?

Женщина перевела глаза на меня.

– Ничего особенного, если не считать маленького нюанса, благодаря Бодрову меня уволили. Представляешь, – она огорчённо хихикнула. – Уволили. Выбросили на улицу, наплевав на прежние заслуги.

– Что? Вы уверены? Не понимаю, – шокировано округлила глаза, отказываясь верить её словам.

Бодров далеко не подарок, но он не имел никакого права так жестоко обойтись с женщиной. А главное, зачем ему это?

Карина Аркадьевна лениво покачала головой.

– Вот и я не понимаю. Чем так ему не угодила? – Женщина бегло пробежалась по мне взглядом. – До такого, как ты заявила ко мне, думала, что именно ты подговорила мужа, чтобы меня уволили, но сейчас, – она пожала плечами и широко развела руки. – Даже не знаю, что и думать. Чертовщина какая-то. Я никому другому из высокопоставленных лиц дорогу не переходила. Всегда вежливая, учтивая. Что случилось? Почему со мной так поступили? Боже, – женщина схватилась за виски. – Голова идёт кругом. Ника, для меня это не просто работа. Для меня, это вся жизнь.

– Я? Зачем мне так поступать, – из многочисленных реплик произнесённых Кариной Аркадьевной, заострила внимание сугубо на себе любимой.

Мне стало неприятно, что эта женщина позволяет даже мысли допускать, что я могу поступить таким подлым способом. Ничего подобного даже в голову не приходило...

Новикова посмотрела на заявление, а затем перевела пыливый, настороженный взор на меня.

– Теперь уж и не знаю. Сначала думала, что может на моё место, метишь. Ну, или банально мстишь. Ты же знаешь, женская месть самая жестокая и бессердечная. Мы женщины такие. Кровожадные.

Карина Аркадьевна суетливо передёрнула плечами.

– Прости, Вероника. Наверно сужу о тебе по себе. Я бы, – она угнетённо усмехнулась, – именно так и поступила.

Какой кошмар! Я, конечно, не одобряла методов Новико-

вой, осуждала её, но, как ни крути, Карина Аркадьевна большую часть своей жизни отдала спорту, благодаря её труду на олимпийском небе загорелось немалое количество звёздочек. Бодров совершил непростительную глупость. Если, конечно, он причастен к её увольнению. Какие у него есть весомые причины так с ней поступать. Даже если бы он хотел поставить меня во главе комплекса, то это бы произошло не раньше, чем лет через пять. Даже с его неограниченными связями поставить неопытную девочку было невозможно, да ещё с учётом того, что у меня и образования должного не имеется.

– Я поговорю с ним. Но, мне кажется, что Артём не виноват. Зачем ему вас увольнять. Да и, в любом случае, он бы поговорил со мной. Рассказал о своих планах. От его действий зависит моя карьера.

– Ника, ты всё-таки очень наивная девочка. Будет такой человек, как Бодров, – в голосе Карины Аркадьевны зазвучали нотки уважения, я бы даже сказала искреннего восхищения, чуть ли не поклонения, – интересоваться твоим мнением. Мужик сказал, мужик сделал. Тебя просто поставит перед фактом. Ах, милая моя девочка, ты ещё даже не представляешь, на что способен твой благоверный. Для таких, как Бодров, – она подняла руку, в которой держала моё заявление и безжалостно сжала пальцы, медленно превращая бумагу в комок.

В моих глазах полыхнула обида и гнев, но я не стала от-

вечать несчастной женщине на её ядовитые реплики, предпочла промолчать и приняла единственно верное решение обсудить всё со своим супругом.

– Хорошего вечера, Карина Аркадьевна. До свидания.

Решительным шагом обошла обескураженную женщину, которая явно негодовала по поводу того, как быстро я прервала разговор на самой интересном месте.

– Ты, что так и уйдёшь?

– Да. Уже поздно. Мне домой надо. Меня семья к ужину ждёт.

Сама того не ожидая, но при произношении последней фразы на душе стало как-то приятно и тепло.

– Ты поговоришь с Бодровым?

– Сказала же что поговорю.

Карина Аркадьевна с лёгким смущением поводила глазами по моему лицу.

– И что ты ему скажешь? Будешь просить меня не увольнять?

– В каком смысле? Узнаю, причастен ли он к вашему увольнению. Не буду я ему ничего говорить. Потребую ответить на простой вопрос. И всё!

Карина Аркадьевна вздохнула и робко сделала пару шагов ко мне навстречу, поравнявшись со мной, женщина опустила руку на мои плечи и, заискивающее вглядываясь в мои глаза, буквально простонала, – пожалуйста, уговори его отменить решение. Эта работа – моя жизнь. У меня больше ничего не

осталось в этой жизни. Дочь выросла, у неё своя жизнь, в которой мне нет места. Не лишайте меня смысла жизни.

– Я не верю, что Артём причастен к вашему увольнению. Карина Аркадьевна, в любом случае выясню всю правду. И не позволю, чтобы вас уволили по чьей-то прихоти.

– Хорошо, – женщина игриво погладила своё плечо, будто бы я маленький котёнок, а она моя хозяйка. – Но может он хотя бы поможет мне остаться.

Округлив глаза и высоко подняв брови, с откровенным, ошарашенным и возмущённым взглядом посмотрела в хитрющие, бесстыжие глаза своей пока ещё действующей руководительницы.

– Обещаю, – неторопливо проговорила я.

– Спасибо. Я знала, что ты хорошая девушка.

– Не стоит благодарить, – мгновенно проговорила я. – Я вам обещаю, что поговорю со своим мужем. Узнаю все обстоятельства. Но просить его ни о чём не буду.

Высоко подняв голову, сверху вниз пробежалась по расстроенной физиономии Карины Аркадьевны и резко развернувшись, схватила за дверную ручку.

– Молодец! Ника, далеко пойдёшь. Быстро же ты стала надменной дрянью, – слегка повернула голову и боковым зрением наблюдала, как женщина, прибывая в приступе ярости, лихорадочно размахивает руками.

– Прощайте.

Не стала больше тратить свои силы на неприятные разго-

воры.

Какая же она всё-таки лицемерная, навязчивая гадина. Когда что-то надо, так прикидывается несчастной, обиженной овечкой, а как только не получает желаемого, так вмиг превращается в старую, сварливую мегеру.

Выйдя на улицу, увидела, как Стефания весело смеётся, удобно расположившись на руках Константина, пока мужчина игриво раскачивает её в воздухе.

– Это что за акробатические этюды?

– Ника, я буду артисткой цирка, – уверенно заявила Стефания.

Я посмотрела на Константина, и мы синхронно усмехнулись друг другу.

– Так артистка цирка, вперёд в машину. Нас ждёт ужин, – звонко скомандовала я, продолжая улыбаться ветреной малышки.

Представляю, как отреагирует отец Стефании на желание дочери парить над куполом цирка. Он её видит в сфере бизнеса. Уважаемой женщиной в дорогом костюме с отличным экономически-финансовым образованием и знанием как минимум двух языков. А здесь, жизнь кочевая! Каждый день рискуешь жизнью на потеху зрителям, параллельно, сверкая пятой точкой. И тебя окружают клоуны и дикие звери. Хотя, с другой стороны, и чем жизнь отличается от цирка?

– Да, малыш. Поехали, – Костя бережно опустил малыш-

ку на землю и незамедлительно распахнул перед принцессой двери кареты. – Прошу!

– Благодарю, – Стефания забралась в салон, я уже собралась последовать за малышкой, как неожиданно Константин захлопнул дверь.

Встревоженно повернула голову.

– Ты что творишь? С ума сошёл, чуть меня не прищемил дверью.

– Прости, – испуганно проговорил Костя. – Мне с тобой надо поговорить. Даже не знаю, когда мы ещё раз сможем остаться наедине.

– Ладно. А что случилось? У меня сейчас не очень много времени. Есть один разговор к моему мужу. Срочный.

Константин как-то недоброму усмехнулся.

– Быстро же ты переключилась, не прошло и суток, как ты его не иначе, как мужем величаешь.

Гневно сверкнула глазами.

– Костя, мне только от тебя сейчас не хватает осуждающих, колких фразочек. И так хреново на душе.

– Ника, – Костя мгновенно помахал головой, – ты меня неправильно поняла. Мне известны все обстоятельства твоего брака. Я знаю, что ты была вынуждена, так поступить.

Мужчина плавно сделал шаг вперёд.

– Я твой друг. Ваня был для меня как брат. Когда он уезжал в командировку, то попросил присматривать за тобой и во всём помогать.

Маленькая, но такая болезненная и горькая слезинка, промчалась по моему лицу.

– Мне очень больно. Но выхода у меня нет. Либо я приму реальность и продолжу жить, – нервно сглотнула и судорожно провела ладонями по щекам, – либо лезть в петлю.

Костя неторопливо положил руки на мои плечи.

– Ника, ты не рабыня. Ты не обязана терпеть этого грубого, жестокого Бодрова. Я рядом. Готов помочь.

– Как? – Лёгкая усмешка скользнула по моему погрузневшему лицу. – Спасибо. Но пока я не вижу ни единого выхода. Конечно, если только он согласится на развод, но и здесь полный провал.

Константин как-то хитро-хитро сузил свои небольшие тёмные глазки и сведя руки на груди, очень тихо проговорил, – жизнь – не предсказуемая штука. Как там во время вашей свадебной церемонии говорилось и только смерть вас сможет разлучить.

– У нас ничего подобного не звучало на свадьбе. Это широко известная фраза из обряда свадебной литургии, описанного в Книге общих молитв, – мне стало не по себе, в словах Кости звучал слишком явный намёк. – Ты к чему это сейчас сказал?

– А ты к чему надела чёрное траурное платье на свадьбу?

Опустила глаза и, мгновенно ухватившись за автомобильную ручку, распахнула дверцу.

– Не смей больше говорить со мной о подобных вещах.

– Хорошо, хозяйка. Слушаюсь и повинуюсь.

Глава 8. Артём

Стоя под прохладным душем, смывая с себя всё напряжение прошедшего дня, никак не мог избавиться от воспоминаний о прошедшей ночи. Ника! Её тепло, запах, голос словно наваждение. Так надеялся, что секс с ней сможет успокоить меня, но я жестоко ошибался. Страсть к этой девочки лишь сильнее поглощала меня, накрывая огромной, убийственной волной. Но я вовсе не один утопал в волнах любви и наслаждения. Вероника пусть и против своей воли, но беззаветно отвечала на мои ласки. По крайней мере, я смог покорить её тело, осталось дело за «малым» поработить беспокойную душу и похитить верное, любящее сердце.

– Чёрт! Не хватало ещё к тридцати годам впервые влюбиться, – громко выругался я, молниеносно хватая махровое полотенце, которое незамедлительно оказалось на моих бёдрах.

Вероника уже на пути ко мне, главное, чтобы никто не помешал, и она не свернула с тропинки. А помешать могли. Если она узнает про своего Ивана, то уже никогда не будет со мной по доброй воле. Я не смогу завоевать её, потому должен в «лепёшку расшибиться» но не допустить утечки информации.

Погруженный в угнетающие размышления, покинул ванную комнату и зайдя в спальную, неожиданно для себя об-

наружил приятный сюрприз.

– Ника, привет! – Захотелось мгновенно обнять свою зазнуюбу, вновь ощутить сладость вишнёвых губ строптивой девушки, но я сдержался, интуиция подсказывала, что Вероника сейчас не особо склонна к ласкам судя по её недоброжелательному личику она пришла меня линчевать.

– Привет, – возмущённо поприветствовала меня моя любимая девочка и, шаловливо пробежавшись своими чистыми, но такими цепкими, пронзительными глазками по моему полуобнажённому телу, моментально отвела смущённый взор. – Ты иди. Оденься.

Моя супруга отвернулась к окну и сделала вид, что наслаждается пейзажем за стеклом.

– Если хочешь поговорить, – максимально приблизившись к ней, стоя за её спиной, прошептал я, – смотри в глаза. Я твой муж. Имею права находиться перед тобой в любом виде. Тем более мы в нашей супружеской спальне.

Дразнил Веронику, пробуждая в ней тайную страсть, о которой она ещё даже не догадывалась.

– Знаешь, что, – она мгновенно развернулась и теперь её соблазнительные, сочные, ягодные губки были для меня полностью доступны, – у меня к тебе очень серьёзный разговор. Оденься.

Немного наклонил голову. Чёрт возьми! Как же мне нравилось провоцировать жгучий стыд на её невинных щёчках. Вероника была просто неподражаема, её чистота и непороч-

ность возбуждала, свет, излучающий её сердце, дарил тепло, она давала мне надежду, что благодаря ей я всё-таки смогу обрести счастья и познаю, что такое истинная любовь. Ника озаряла мой мир. И как же мне хотелось, чтобы она перестала видеть во мне врага. Я же немного от неё прошу. Просто принять мою любовь и перестать сопротивляться надвигающемуся счастью.

Вероника приподняла подбородок и её лукавые глазки спустились по оголённому животу, на котором ещё блестели капельки воды.

– Нравится, малышка, – игриво ухватился за край полотенца и сделал вид, что собираюсь его скинуть.

Девушка удручённо вздохнула и, непроизвольно прижав руку ко рту, попыталась отстраниться, но я вовремя поймал её руку и, бережно ломая слабое сопротивление, опустил женскую ладошку на своё причинное место, которое непроизвольно приходило в боевую стойку.

Вероника моментально подняла свои обжигающие, искрящиеся сапфировые глаза и осветив ими полутёмное помещение спальни, решительно произнесла, – ты причастен к тому, что Карину Аркадьевну уволили? Отвечай! И не смей меня обманывать! Иначе у твоего друга будут большие неприятности.

Невольно отпустил её запястье, но активная, смелая девочка не собиралась убирать свою ручку от моего возбуждённого органа. Ника кокетливо усмехнулась и несильно, но

весьма ощутимо сжала мой драгоценный орган, таким образом, моя дерзкая террористка осмелилась захватить слишком важный орган, ради безопасности которого я готов был ответить на любые поставленные вопросы.

– Да.

Вероника усилила свою хватку, причиняя мне своими мягкими, нежными пальчиками приятную, сладкую боль. Ощущаю, как мой пульс учащается, дыхание становится быстрее, повышается кровяное давление. Б...ь, эта девочка, далеко не невинная малышка, она знает, как добиться желаемого... Не каждая способна вот так просто схватить мужика за яйца. Да, что греха таить, ещё ни одна женщина не была способна захватить меня в свой плен. Ни одна. Лишний раз убедился, что она имеет надо мной слишком большую власть. Моя душа, сердце и уж тем более плоть в полном её плену.

– Милая, пожалуйста, можно понежнее.

– Что боишься?

Ника хитро блеснула глазками, бесспорно, упиваясь своим доминирующим положением.

Вот сучка-маленькая. Отлично, малышка, постепенно ты начинаешь принимать правила игры. Но уж слишком быстро учишься. Нет, Ника, с тобой надо «держаться нос по ветру», а «ухо востро». Любая моя оплошность и всё, останусь без яиц! Такая быстро организует яйца всмятку и глазками своими миленькими не моргнёт.

– Боюсь. Сейчас в твоих руках находится мой главный орган, он очень хрупкий. Я бы предпочёл, чтобы он оказался в твоём болтливом ротике. Может исполнишь моё желание. Заменяю ручку с длинными, острыми коготками на мягкий, упругий ротик. Как тебе такое предложение?

Вероника изобразила на своей прекрасной мордочке недовольную гримасу и, покачивая головой, ответила, – ты не заслужил такого подарка. Тем более кроме того, что мой ротик болтливый, мягкий и упругий, он ещё имеет острые зубки. Один щелчок и всё, дорогой муженёк, ты кастрирован без наркоза.

Сделал вид, что напугался, но продолжал активно молчать.

– Зачем ты решил уволить Карину Аркадьевну? Что она тебе сделала?

– А ты не понимаешь?

– Не понимаю, – девушка разжала пальцы и освободила меня из своего плена.

Неторопливым шагом обошёл супругу и схватил с кресла свой кожаный чемодан, в котором находились документы.

– Карина Аркадьевна должна возглавлять не спортивный комплекс, а бордель. Она же молодых девчонок под богатых мужиков подкладывает. Я не собираюсь попустительствовать и позволять этой старой дряни ломать чужие жизни.

Понимал, что помочь всем на Свете не смогу, но если уж столкнулся с подобной ситуацией, просто обязан был отреа-

гировать.

Ника пренебрежительно хохотнула.

– Что такого я сказал, что тебя так рассмешило? – Искренне удивился я, доставая из чемодана папку с документами.

– Ничего. Просто удивляюсь твоему лицемерию, – она непринуждённо свела руки на груди. – Сам же воспользовался её услугами, а теперь как не в чём не бывало обвиняешь эту женщину во всех смертных грехах.

– Я воспользовался? Каким образом? – Небрежно отбросил чемодан обратно на кресло. – Ты сегодня, что во время занятий неудачно на голову упала. Давай, аккуратнее, а то не ровён час лишишься здравого смысла.

Ника робко похлопала глазами.

– Ничего ты если, что быстро определишь меня в палату номер шесть.

– Твою мать, Ника. Какого хрена ты несёшь?

Девушка нервно поводила глазами, – ладно, давай к нашим баранам. Ты ничего не забыл. Нас познакомила Карина Аркадьевна. Прекрати «дурака валять».

И тут до меня дошло. По всей видимости, Вероника действительно посчитала, что я воспользовался услугами Карины Аркадьевны и с помощью неё попытался познакомиться с красивой, спортивной, юной девушкой.

– Ника, нас заочно познакомила Стеша. Мне стало любопытно посмотреть на девушку, которая смогла растопить детское сердечко Стефании, – сказал чистую правду, кото-

рую я уже неоднократно повторял Нике. – Не скрою, увидев тебя впервые, такую бойкую, дерзкую, независимую, я сразу же обратил на тебя внимание. Но я никогда не прибегал к услугам Новиковой. Извини, но она в прямом смысле торгует девушками. Ломают им жизнь. Отправляет на панель. Обещает красивую жизнь, а в результате они оказываются на социальном дне. Шлюхами она их делает.

Вероника тяжело задышала, при этом её тонкие пальчики интенсивно пробежались по оголённой шее.

– Вот посмотри, – приблизился к девушке и протянул ей пакет документов.

– Что это? – Взволнованно поинтересовалась жена, но при этом документы у меня взяла.

– Я буду спонсировать твоих подопечных. Детей ты будешь набирать самостоятельно. Если кто-то не сможет платить за услуги, то я беру все расходы на себя. Главное, чтобы ты считала их достойными кандидатами. С нужными людьми я уже переговорил. На должность Новиковой назначат достойного, честного и порядочного кандидата.

Вероника бегло пробежалась по ране полученным документам.

– Боже, Тёма. Спасибо, – она с искренней благодарностью в глазах посмотрела на меня. – Ты же понимаешь, что это спонсорская помощь. Не инвестиции. Я не могу гарантировать стопроцентный результат. Есть вероятность, что многие дети так и не смогут в полной мере реализовать свой потен-

циал.

Смотрел на Веронику и откровенно удивлялся её наивному мышлению. Неужели она действительно думает, что я, будучи бизнесменом, почти с десятилетним стажем не понимаю, в какую абсурдную авантюру с точки зрения финансовой прибыли ввязываюсь. Я иду на все риски, с одной лишь целью, чтобы на личике любимой девушки была улыбка счастья, чтобы её милые, родные глазки источали неподдельную радость. Реально, влюбился. Я, конечно, всегда был щедрым мужиком и своим женщинам делал дорогие подарки, но такими крупными вливаниями не может похвастаться ни одна из моих любовниц, включая бывшую жену.

– Спасибо, – она не стала дожидаться ответа, по выражению моего лица малышка всё поняла.

Вероника бережно положила документы на кровать и неторопливо обняв меня за шею, прошептала, – ты делаешь очень хорошее, благородное дело. Тёма, ты меняешься в моих глазах в лучшую сторону.

– Ника, не стоит строить иллюзий. Я далеко не ангел, но и демонизировать меня не надо. Я обычный человек со своими недостатками, но и достоинства у меня имеются.

Супруга эротично приподняла свои брови и кокетливо усмехнулась, при этом её ручка быстро спустила по моему обнажённому торсу и остановилась рядом с тем самым местом, которое до недавнего времени очень крепко держала своими пальчиками.

– Никто не спорит. Достоинства у тебя действительно имеются. И очень даже приличные.

– Вот же зараза! Я думал, что взял в жёны приличную женщину, а как оказалось ошибся, – обхватил сексуальную жёнушку за талию и прижал её к своему возбуждённому паху.

– Что-то не устраивает? – И вновь в её голосе звучала провокация. Она вновь бросала мне вызов. – Можешь вернуть, обратно в родительский дом.

Сильнее обхватил её руками, не позволяя даже на миллиметр отстраниться от меня.

– Нет, моя сладкая девочка, – игриво прошептал я, – никуда тебя не отпущу. Ты только моя. Нас может разлучить только смерть.

Вероника застыла. Почувствовал, как её сердце бешено заколотилось, вместо румяных красок на лице появилась мраморная бледность, она резко перевела руки мне на мою грудь и яростно оттолкнув меня, прокричала, – не смей так говорить.

– Милая, я же пошутил.

– Не смей так говорить, – свирепо провозгласила она. – Мне не нравится подобные шутки. Никогда не говори при мне о смерти. Слышишь, никогда. Я не могу и не хочу больше терять родных людей. Не упоминай костлявую даже в шутку.

Супруга истерически кричала, ругалась, упрекала меня, а я искренне наслаждался... Теперь я уже точно знал, что не

безразличен Веронике.

– Всё хватит. Давай, одевайся и спускайся к ужину, – немного успокоившись, требовательным тоном заявила Вероника. – Или ты собираешься идти в наряде Адама?

Победоносно улыбнулся и лёгким движением руки, ухватившись за края полотенца, сбросил с себя ненужный тканевый атрибут.

– Одевайся. А то простудишься, Тарзан, – проговорила моя законная язва и схватившись за ручку двери, покинула комнату.

Состояние блаженства накрыло меня с головы до пят. Моя льдинка, маленькая снежинка всё-таки начинает таить.

Внезапный звонок вывел меня из состояния эйфории, гневно посмотрел на тумбочку и звонко матюгался.

– Да, Сёма! Что случилось?

Расстались с этим старым чёртом менее двух часов назад, за целый день достал меня этот жадный пройдоха хуже «горькой редьки», надеялся, что хоть дома смогу отдохнуть от него.

– Тёма, ты меня извини. Но у меня для тебя не самые лучшие новости. Тут мне одна птичка при погонах шепнула, что Соколов Иван Сергеевич, бывший жених ...

– Твою мать, Сёма, я знаю кто это, – не дал этому старику дальше «тянуть кота за хвост». – Что случилось? Он умер, – с огромной надеждой спросил я.

Сёма глубоко вздохнул, – к сожалению, нет. Парень при-

шёл в себя.

– Понятно. А где он находится?

– Вот этого даже мне не удалось узнать. Его местонахождение засекречено. Но и это ещё не всё.

Озлобленно прикрыл глаза.

– Говори. Что ещё?

– Лиза проявляет активность. Я так думаю, она непросто так интересуется судьбой Ивана. Тёма, наверняка, она с тобой женой сговорилась.

Моментально распахнул глаза, которые в считанные секунды налились кровью.

– Что ты ей сказал.

– Ничего. Как и договаривались. Что он умер.

Устало присел на край кресла и обессиленно потёр виски.

– Отлично. Сёма, мне жизненно необходимо узнать, где находится этот недобитый вояка.

Старик громко хихикнул.

– Зачем? Добить хочешь?

– Не твоё дело. Если узнаешь мне адрес, я выкуплю твой бизнес за указанную сумму и ещё сверху добавлю. Если нет, то из бизнеса ты не выйдешь. Понимаешь же, что никто не станет моим партнёром против моей воли.

На пару секунд в трубке повисла многозначительная тишина.

– Мальчик, не пугай меня.

– Я не пугаю. Я по-дружески тебя предупреждаю.

Чувствовал кожей, что Семён ведёт двойную игру, этот старик что-то задумал, но, к сожалению, я никак не мог разгадать его коварный вероломный план.

С наслаждением и в то же время с лёгким раздражением, наблюдал за Вероникой, как она уже битый час сидит возле туалетного столика и расчёсывает волосы. Понапрасну старается потянуть подольше время, наивно полагая, что я усну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.